

Темная империя
Книга вторая

ЕЛЕНА
ЗВЕЗДНАЯ

16+

Миры Хаоса

Елена Звездная

Темная империя. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Звездная Е.

Темная империя. Книга вторая / Е. Звездная — «ЛитРес: Самиздат», 2014 — (Миры Хаоса)

Никогда не разговаривай с незнакомцами. Никогда, особенно если это один очень странный незнакомец, ведь вполне может быть, ты встретишься с самими Принцем Хаоса, а он безумно устал от одиночества.

Третье королевство. Сарда
Найрина Сайрен

Мир, в котором я родилась и выросла, мир магии, чудес и волшебства – исчезал. Маги, те кто прежде правил в Третьем королевстве, стали изгоями. На дорогах больше не мелькали мантии, не было видно распущенных волос свободных магинь, не привлекали внимание длинные белоснежные бороды архимагов и ни одной остроконечной шляпы вам не удалось бы найти. В городе ходили слухи, что маги собирают войска на границе и готовятся вновь вернуть себе власть. Газеты писали, что лишенные сил, не получив положенную по договору помощь от Семи королевств, нашли поддержку в стане магов-отступников. В последнее я не верила. Не верила и в то, что прежний порядок вернется.

Для меня, мир наполненный волшебством, канул в небытие.

И я строила свой собственный мир, строила старательно, с усердием и верой в то, что сумею справиться. Должна.

– Я отправляю список? – спросил Алех, отрывая меня от созерцания новой вывески.

На темно-зеленой эмали золотая вязь «Магия чая».

Название придумала я. Оформление тоже, и даже писать пришлось мне, впервые с первого курса и подзабытых уроков каллиграфии взявшись за кисть. А вот орнамент вывески расписывал уже мастер, я бы так не сумела.

– Да, отправляй, – подтвердила я. – Позвать господина Данеса?

Алех кивнул. Затем оглядел уличную террасу и в очередной раз произнес:

– Волшебство получилось.

Я покраснела от смущения. Алех сегодня впервые увидел все, что мы с Германом и Сэмом сделали за прошедшую неделю. И честно признался – не верил, что успеем справиться так быстро. Мне и самой не верилось. Но успели. Открытие – сегодня вечером. И я с замирающим сердцем в очередной раз осмотрела белоснежную кирпичную кладку, сменившую деревянные доски, изящную дверь из стекла и кованых лиан, столики темного дерева, покрытые белоснежными квадратиками ажурной скатерти, букетики белых полевых цветов, в простых, но элегантных белых глиняных вазочках, сверкающие темным лаком стулья, лианы выращенных за городом чайных роз, оплетающих отделяющий террасу от дороги заборчик. Просто, элегантно, изысканно.

И совсем иная атмосфера, стоит вступить в самую чайную – сразу, с порога словно окунаешься в легкий флер горьковатого зеленого чая и весеннюю цветочную композицию. Это не чай – особое, созданное по моему заказу чайное масло, коим были пропитаны белоснежные тканевые фонарики, в которых горели свечи. Это был главный акцент интерьера. Днем белоснежные фонарики в наполненном солнцем за счет увеличенных оконных проемов пространстве оттеняли стены, отделанные светлым лакированным деревом, в тон к плетеным стульям, вечером освещали все мягким приятным светом. И получалось, что в основном зале постоянно было светло и радостно, а вот во внутреннем, где каждый столик располагался в отдельном

огороженном плотной тканью кабинете, царил полумрак и днем, и в вечернее время. И особой гордостью была посуда – белоснежные чайные сервизы, белоснежные тарелки и подносы и сверкающие, словно серебро, столовые приборы. Мне нравилось. Особенно созданный под старину план нашей Столицы, размещенный на потолке, и позволяющий приезжим изучить карту города, расположение гостиниц и ресторанов. Идея была моя, но Сэм подошел к ней по своему – насколько я поняла, владельцы тех гостиниц, что наиболее ярко отображались на карте, оплатили покупку мебели в нашу чайную. Не знаю, как у среднего Шилли это получилось, но судя по разговорам братьев, я все поняла правильно. К слову цветы, которые оплетали уличную террасу, для нас купили братья Гиборт, которым принадлежало более ста экипажей извозчиков. Договаривался с ними Герман, вследствие их договора при необходимости вызывать извозчика для посетителей, подавальщики обращались именно к извозчиками братьев Гиборт. Понять выгоду данной схемы я могла с трудом, а потому просто доверилась Герману и таким образом мы смогли внести в интерьер чайные розы.

– Господин Данес, – окликнула я, не увидев управляющего в чайной.

– Да-да, иду, – послышался его голос, со стороны кабинетов.

Не удержавшись, я последовала туда, и застала удивительную картину – господин Данес, господин Иллон, администратор чайной, и госпожа Иллон, старшая кухарка, сидели на белоснежном диване в одном из кабинетов, вытянув ноги и сцепив руки на затылке.

– Дааа, – протянула госпожа Иллон, едва я оказалась в их поле зрения, – красотааа... Вставать не хочется, госпожа Найрина.

Я улыбнулась. Здесь все обращались ко мне «госпожа», а не леди, мне так было проще, да и им, полагаю, тоже.

– Очень удобно, – подтвердил ее супруг, – эдак, госпожа Найрина, наши посетители и подниматься не захотят.

– Надеюсь, им понравится проводить вечера здесь, – улыбнулась я.

– О, поверьте, госпожа Найрина, еще как понравится, – поднимаясь, заверил меня господин Данес. – Это будет самое роскошное заведение столицы.

– Да услышит вас Богиня Судьбы. Идемте, господин Данес, Алех ждет.

Едва я это произнесла, госпожа Иллон бросила быстрый взгляд на супруга, тот просто странно усмехнулся. Ничего более, но мне стало крайне неприятно, особенно если учесть, что в последнее время я все чаще замечала вот такие странные взгляды, стоило мне оказаться рядом с Алехом или заговорить о нем. Впрочем, почти то же самое происходило, стоило появиться Герману или Сэму.

– Что-то не так, госпожа Найрина? – встревожился господин Данес.

Оба супруга Иллон тут же на меня посмотрели, а я отвела взгляд.

– Идемте, – напомнила господину Данесу и вышла.

А после... У тканевых стен есть один недостаток – они тонкие, и потому я услышала состоявшийся диалог:

– Женится он на ней, помяните мое слово, – заявила госпожа Иллон.

– И правильно сделает, хорошая, светлая девушка, – добавил господин Иллон.

– Да не будет ничего, – устало оборвал их господин Данес, – Найрина леди, и к тому же магианна, а девушка она и вправду светлая, и уж ничего не совершит, что в дальнейшем принесет вред господину Шилли.

Я тихо уходила, не желая слушать дальше, но следующая фраза вынудила остановиться:

– Говорят, маги вернутся, – едва слышно сказала госпожа Иллон.

– Не будет войны, – рыкнул на нее господин Иллон.

– За аристократами темные лорды стоят, – понизив голов, произнес господин Данес, – а главный у них, говаривают, слово свое держит. Отстоят.

– А коли так, женится он на ней, – резюмировала госпожа Иллон.

Я бесшумно покинула внутренний зал, вышла на террасу. И застигла удивительную картину – на пороге террасы стоял полный черноволосый с проседью мужчина, в длинной белой тунике, холщевой безрукавке, белых брюках и остроносых сапогах, а Алех вежливо, но нецензурно, советовал ему покинуть территорию. При моем появлении речь старшего Шилли мгновенно оборвалась, и мне сказали:

– Извини, сорвался.

Мужчина же, противно растягивая слова, воскликнул:

– А это, видимо, и есть та самая полюбовница! Рад, искренне рад познакомиться, госпожа Найрина.

Кровь отхлынула от лица, однако распрямив спину, я холодно отрезала:

– Леди Сайрен. А с кем имею сомнительную честь беседовать?

Мужчина скабрёзно осклабился и хотел было что-то сказать, но тут случилось странное – неловкое движение, словно споткнулся, замысловатое ругательство в процессе падения и треск! Отвратительный, жуткий треск, который издают только ломающиеся кости!

Я бросилась к упавшему первая, Алех проорал «Санр», но естественно остался стоять на месте. С его сломанной ногой, ничего иного ему не оставалось. Выбежав из террасы, опустилась возле стонущего и непрерывно ругающегося мужчины, и с трудом удержала вскрик – открытый перелом. Острая кость прорвала ткань брюк, сейчас заливаемых кровью.

– Найри, отойди от него! – рявкнул Алех, судя по звуку, пытающийся встать на костыли. Я не отошла.

Торопливо стянула пояс, перевязала ногу господина, стянула, словно жгутом. Мужчина, перестав ругаться, смотрел на меня огромными от боли глазами, и едва сдерживал слезы.

– Как же вы так? – посетовала я. – На ровном же месте!

– Я... я... – начал он.

– Лежите, я целитель. Сейчас отвезу вас в городскую лечебницу, там есть два мага, к которым сила вернулась. Попрошу помочь, профессора мне не откажут.

Подбежал Санр, бывший наемник и наш сторож, глянул на господина, после на меня, как-то тяжело вздохнул и отправился за двуколкой.

– Господин Санр, его лежа транспортировать необходимо, – крикнула я вслед.

Наемник резко сменил направление и зашагал в обратную сторону, к наемным экипажам.

– Мирвар, – вдруг простонал мужчина.

– Простите? – не поняла я.

– Мирвар я, – повторил несчастный. – Простите, за грубость, леди Сайрен.

Нервно улыбнувшись, я кивнула, и вдруг... Мне вдруг показалось, что у стены стоят двое. Всмотрелась – никого. Все так же белоснежная, имитирующая кирпичную, кладка.

– Что там? – спросил с трудом подошедший Алех.

Он ходить начал всего второй день как, и на костылях держался очень неуверенно.

– Ничего, показалось. Алех, не утруждай ногу, пожалуйста, тогда выздоровление пойдет быстрее.

Он кивнул.

– Мне доска нужна, – обратилась я к подошедшему Санру. – И веревки.

* * *

Третье королевство. Сарда

Адепты Смерти

– Зачем открытый? – тихо спросила вампирша, взглянув на своего напарника.

– Не рассчитал удар, – покаянно признался оборотень.

– А ей теперь в крови возиться, – откровенно негодовала адептка.

– Давай добыю?
– Монстры Бездны! – выругалась она. – Магистр будет в ярости.
– Я перескажу ему слова этого ирнейского выбеса, и магистр уроду добавит, – парировал оборотень.

Вампирша безразлично передернула плечом, и хмуро напомнила:

– Теперь бежать придется.
– Она не уйдет, – не согласился адепт, – сегодня же открытие.
– Она больного и раненого не оставит, – девушка тяжело вздохнула. – Смотри, уже и в повозку села. Побежали, тролль тупоголовый.

* * *

Темная Империя

Ат-Шарн

Магистр Смерти, с трудом сдерживая улыбку, смотрел на невероятную картину – отряд из двухсот дроу в черной облегающей форме, маршировал по дну оврага, бодро проговаривая скороговорки на языке темных эльфов. На поясах дроу сверкали ритуальные клинки, причем у половины клинков было по двое.

– Идеально, – произнес он, едва отряд, круто развернувшись, отправился обратно вдоль обрыва.

– Да, результат впечатляет, – согласился лорд Тьер. – Рэн, нескромный вопрос: Хедуши что-то знают?

Эллохар глянул на трех крылатых демонов, зависших над пропастью, посмотрел на остальных, из которых четверо сидели на скалах, держа копья, трое стояли на дне оврага, отдавая команды псевдо-дроу. И да, принц Хаоса не мог не заметить взгляды, время от времени бросаемые демонами на Тьера. Взгляды были настороженные, опасливые, чуть беспокойные.

– Вероятно, знают, – был вынужден признать Эллохар. – Видишь ли, Хедуши – особый клан. Единственный, с кем опасаются связываться даже шайгены, четко осознавая, что уступают им во всем. И ко всему прочему, только у Хедуши существует институт наставничества, в котором наставник до конца своих дней несет ответственность за тех, кого обучил.

– Знакомый принцип отношения к ученикам, – заметил Риан.

Принц Хаоса усмехнулся, но был вынужден признать правоту друга.

– Полагаешь, СеХарэль перед вылетом, проинструктировал крылатых? – прямо спросил Тьер.

– Убежден в этом, – кивнул Эллохар. – Откровенно говоря, я поступил бы так же. Не раскрывая всей информации, обрисовал бы вкратце возможные последствия твоего гнева.

Магистр Темного Искусства с трудом сдержал смех. Недоуменно вскинув бровь, Даррэн взглянул на друга и, лишь когда Тьер кивком головы указал на расположенный неподалеку, уставленный едой, вином и фруктами стол, и сам был вынужден приложить все усилия к тому, чтобы не сорвать тренировку демонов громким хохотом.

– Они меня с первого дня подкармливать пытаются, – с трудом сдерживая смех, признался Тьер.

– В представлении жителей Хаоса, голодный значит злой, сытый – не злой, – пояснил Эллохар, и простонал: – Монстры Мрака, надо же еще как-то лицо держать, эти же смотрят.

Риан улыбнулся. И оба магистра вновь вернулись к наблюдению за тренировкой.

– Достаточно быстро язык выучили, – заметил Эллохар.

– Ултан занимался с ними, – пояснил магистр Темного Искусства, – плюс я подключил Селиуса.

– И как там дух бывшего главы ордена Огня?

– У него выдающиеся способности к обучению.

Магистры помолчали.

– Когда начинаешь? – задал главный вопрос Эллохар.

– Ночью, – выражение лица Бессмертного утратило эмоциональность.

– Волнуешься? – полувопросительно произнес принц Хаоса.

– Тяжело ждать, – тихо признался лорд Тьер. – Ждать их шага, их удара, предугадывать и пытаться минимизировать последствия. Вокруг всех храмов Темной Империи установлены посты, но учитывая количество верований... У нас тысячи храмов, Рэн.

– Идущим будут неинтересны мелкие секты, Риан, – мягко произнес Эллохар, – они хотят устроить массовый могильник.

– Понимаю, – кивнул лорд Тьер, – но я обязан защитить все храмы.

– Ты не император, – тихо напомнил принц Хаоса.

– Номинально нет, – совсем тихо произнес темный.

Эллохар искоса взглянул на друга. Понять его чувства, он понимал, у самого имелась школа и личный домен, но это казалось привычным, правильным, а ответственность Тьера Рэн иначе, чем ярмом не считал. Наставник и ученик... И как наставник, принц Хаоса не мог оставить друга наедине с давящим грузом ответственности.

– Это шесть главных храмов, Риан, – он говорил негромко, почти успокаивающе. – Шесть столичных храмов Тьмы, остальные им не интересны. Используй подвластных возрожденных, Ночную стражу, гончих. Те резервы, которые существуют сейчас, позволят держать под неусыпным контролем объекты возможного нападения. Поверь, у тебя значительно лучше организованы силовые структуры, нежели у твоего деда.

Тьер вновь кивнул, вот только его уверенности в ситуации Эллохар не видел. Магистры постояли еще некоторое время, и Риан неожиданно спросил:

– Что с тобой происходит?

– Мм? – удивился магистр Смерти.

– Ты изменился, – магистр Темного Искусства искоса взглянул на демона.

– Сильно? – совершенно безразлично, поинтересовался Эллохар.

– Что-то неуловимое, – Тьер так же выглядел абсолютно беспристрастно.

Словно разговор велся ни о чем.

Демоны, в личинах темных эльфов, вновь совершили круг по узкому ущелью на дне обрыва, когда магистр Смерти почти беззвучно, прекрасно зная, что великолепный слух аргатаэрра позволит ему расслышать, произнес:

– Тебе не понять, Риан, ты любил лишь раз.

Магистр Темного Искусства некоторое время молчал, перебирая и отбрасывая вопросы, одолевавшие его после признания друга, и когда заговорил, начал с тех вопросов, ответы на которые знал. Полагал, что знал.

– Ты любил дважды? – негромко спросил он.

– Трижды, – голос магистра Смерти прозвучал хрипло. – Я очень любил мать, Риан, она погибла.

Судорожный вздох и Даррэн продолжил:

– Я полюбил Василену, зная, что ведьмочка никогда не будет счастлива со мной... и отпустил, вопреки ее собственному желанию. Эта рана не заживала десять лет, Риан.

Еще одна пауза и хриплое:

– У вас с Дэей много общего. Мировоззрение, ценности, желания, увлечение наукой. Это важно?

Не сразу осознав вопрос, Тьер и ответил спустя паузу:

– Это значимо, но не значительно.

Затем, спустя недолгую паузу, магистр Темного искусства добавил:

– Сложно было сделать первый шаг – начать разговор, понять ее отношение, решиться обозначить свое.

Эллохар кивнул, принимая ответ и закрывая тему.

– Есть будешь? – тихо спросил Риан.

– Нет желания, а что?

– Если ничего не съем, твои крылатые обижаются, – еще тише сообщил лорд Тьер.

– А, еще одна традиция Хаоса, – передернул плечом Эллохар. – В общем если ты отказываешься от угощения, значит предвкушаешь куда более славную трапезу... крылатого к примеру.

Тьер гневно посмотрел на друга.

– Что? – возмутился магистр Смерти. – Между прочим, крылатый из клана Хедуши считается одним из самых роскошных лакомств в Аду.

– Почему? – удивился Риан.

– Потому что не по зубам, – рассмеялся Эллохар. – Они же крылатые, Тьер, одни из сильнейших в Хаосе, а потому действительно изысканное блюдо, крайне редкое, желанное и недоступное. А чем недоступнее, тем желаннее, сам понимаешь.

И принц Хаоса вновь посмотрел вдаль. Без улыбки, напряженно, сурово.

Решение было принято.

* * *

Третье королевство. Сарда

Найрина Сайрен

Профессор Лориес встретил меня на входе в хирургическое отделение, упер руки в бока, перевел взгляд на стонущего мужчину, вновь на меня посмотрел и задал странный и совершенно ненужный вопрос:

– Перелом?

– Открытый, – дала столь же излишний ответ я, потому как ситуация была более чем очевидна.

– И на ровном месте, – догадался целитель.

Я покраснела.

– Сайрен, вы меня пугаете, – нехорошо протянул маг.

– Профессор Лориес, – я не просто покраснела, у меня пылало все лицо, – ему больно.

Мужчина на носилках выл, сделавшись совершенно невменяемым и от боли и от кровопотери. Целитель простер руку над его лицом – простейшее заклинание и господин Мирвар погрузился в глубокий сон. Еще одно движение – кровь остановилась.

– В операционную его, – скомандовал маг.

Санитары поспешили исполнять – с Лориесом шутки плохи. У профессора и ранее был непростой характер, но сейчас, когда он и целитель Девенур оказались единственными, к кому вернулась магия, Лориес уверился в своей исключительности. Не просто исключительности, профессор стал проповедником новой идеологии, в которой Магия объявлялась божественным даром, была отобрана по причине того, что маги погрязли в грехах и вседозволенности, и забыли о собственном предназначении – делать мир лучше. О темных в его идеологии не было ни слова. Не демоны – богиня Судьбы лишила сил всех недостойных и лишь достойнейшие вдохнут магию вновь. Итог набирающего популярность учения – все целители вернулись в столицу. Абсолютно все. Лечебница была переполнена, маги ходили по домам, лечили разнообразно своим знаниям, и молясь о возвращении магии.

В результате мне было нечего делать в лечебнице, и я действительно была рада предложению Алеха по поводу чайной. А еще я однажды видела магианну Соер. Декан постояла

в приемной, осмотрелась и ушла, сказав, что пока занята, и будет наведываться. К ней тоже вернулась магия. Таким образом, трое, из четырех магов, находящихся на посту во время тех ужасных событий оказались достойными, а я...

– Четвертый случай, магианна Сайрен, – профессор Лориес с усмешкой смотрел на меня. – И знаете, я начинаю замечать некоторую закономерность – все мужчины. И вот вопрос – а не вернулась ли к вам магия, уважаемая? Только не целительская, а та, истинная, которую вы, возможно скрывали?!

Вступать в дискуссию и отрицать в данной ситуации было бессмысленно – стояла, молча, направив на профессора прямой, гневный взгляд.

– Великолепная иллюстрация к праведному гневу, – усмехнулся старик. – Магианна, говорю откровенно – еще один случай и я прикажу взять вас под стражу.

И старец с длинной белой бородой (вновь обретенная магия позволяла отрастить подобное за сутки), величественно повернувшись, удалился. Целители провожали его благоговейными взглядами и, не скрывая неприязни, поглядывали на меня. Не удивительно – трое достойных обрели магию, а я почему-то нет. Почему? Ответ очевиден, я не достойна.

Молча развернувшись, я покинула лечебницу с гордо поднятой головой. Вышла, жестом отпустила извозчика, быстро, решительно прошла по дороге по направлению к городскому парку, раскланиваясь со встречными знакомыми. Свернула на боковую и наиболее пустынную аллею, прошла к растущим у заброшенного пруда, в отличие от центрального озера, ивам, обошла, так чтобы меня не было видно. И только там, скрывшись от всех глаз, я горько заплакала. Молча.

* * *

Третье королевство. Сарда

Адепты Смерти

– И что она там делает? – заинтересованно спросил оборотень, который ждал сокурсницу на аллее, решив, что возможно, целительнице потребовалось уединение, не терпящее мужских глаз.

Вампириша подошла к нему решительно и зло, и не говоря ни слова со всей силы отвесила подзатыльник. Потрясенный адепт моргнул, а после схватил девушку за шиворот, и получил второй удар, на этот раз куда более болезненный.

– Магистр тебя уроет, – вырвавшись, прошипела адептка Смерти, вспарывая ладонь заостренным когтем. – Вот просто уроет.

Через минуту оборотень получил второй подзатыльник, менее болезненный, но куда более обидный. Разочаровывать обожаемого директора адепты не любили.

* * *

Третье королевство. Сарда

Найрина Сайрен

Нам рассказывали, что человеческие слезы следствие двух вещей – обиды и чувства жалости к себе. И я не могла разобраться, чего в моей истерике было больше – чувства жгучей несправедливости, или жалости к самой себе. Не знаю. Мне было стыдно и за эти слезы, и за истерику, и за то, что вот так отреагировала на слова профессора. Не правильно отреагировала, ведь в его замечании содержалась изрядная доля истины – случай с поломанной ногой господина Мирвара не первый, и возможно причиной действительно была я. Ведь нас магов тогда было четверо, у троих вернулась магия, а я никогда не забуду, как под моим скальпелем ожил труп.

– И чего мы ревим? – голос, чуть усталый и несколько насмешливый раздался совсем близко.

Я вздрогнула, убрала ладони от лица, и очередной всхлип стал испуганным вскриком.

Передо мной на корточках сидел господин Эллохар. В темно-синем под цвет глаз камзоле, с белоснежной рубашкой, чей ворот и манжеты оттеняли смуглую кожу, и с улыбкой, в которой было так много грусти.

Грусти, а я ожидала злость.

– Да-да, ты не послушалась и не пошла в банк, я знаю, – улыбка стала чуть шире.

– И в-вы не будете злиться? – осторожно спросила я.

На лице мужчины отразились некоторые сомнения, он даже кивнул каким-то своим мыслям, затем подмигнул мне и сообщил:

– Буду. Но попозже.

И мне протянули платок. Белоснежный, мужской, потому что без кружев, и очень приятный на ощупь. И вот стоило мне взять его, как господин Эллохар безжалостно объявил:

– У тебя нос весь распух и красный. Красотка.

Я улыбнулась, и в тот же миг мужчина поднялся и протянул руку мне. Поднявшись, я тщательно вытерла мокрое лицо, нос очень аккуратно, чтобы не распух еще сильнее, а после поняла, что возвращать мокрый платок крайне невежливо и... оставила его себе, спрятав в кармане.

И вот после этого, я рискнула взглянуть на господина Эллохара, с любопытством рассматривающего пруд, и осторожно спросила:

– А... что вы здесь делаете?

– Гуляю, – невозмутимо солгали мне.

Это была очевидная ложь, так как, судя по заинтересованному взгляду, мужчина впервые видел окружающую местность. Я откровенно растерялась от подобного, и в этот миг господин Эллохар повернулся и посмотрел на меня. Прямо, открыто, внимательно. И видимо моя растерянность не укрылась от него, потому что следующими словами стали:

– Увидел тебя, решил поздороваться, невольно проследил, но подойти сразу не решился, ввиду отсутствия информации, но не предположений, на тему чем можно заниматься под деревьями в отсутствие любопытных глаз.

Я смутилась окончательно, покраснела и уже хотела было возмутиться, как мужчина, улыбнувшись, продолжил:

– Да ладно, ты ревела на весь парк, глухой и то услышал бы.

– Неправда! – возмутилась я. – Ветер, и листья шумят и я... я... я рот закрыла, не было ничего слышно!

– Хорошо-хорошо, не ревела, – он ухмыльнулся, и ехидно добавил, – просто рыдала в голос, вон всю живность в округе разогнала.

На сей раз, у меня даже слов не оказалось.

– Кстати, по какому поводу безутешное горе? – небрежно спросил лорд.

Я опустила голову, глаза вновь наполнились слезами.

– Ладно, меняем тему, – господин Эллохар вдруг стал серьезен и даже суров, – ты выяснила, что происходит после убийства несчастного дракона и до расчленения его бранных останков?

Откровенно удивленная столь жестким тоном, я тихо переспросила:

– Что?

– То есть не выяснила, – расстроился лорд. – И почему все приходится делать самому?

– Что делать? – я так удивилась, что напрочь забыла об имевших место слезах по поводу жгучей несправедливости.

– Пошли, – устало приказали мне, и, заложив руки за спину, лорд двинулся по аллее, по направлению к центру города.

Я поспешила за ним, крайне заинтригованная. Но мысль о том, что мое предположение по поводу умственного здоровья оказалось чуть-чуть верным, почему-то вновь мелькнула в сознании. И я лишь утвердилась в его легкой сумасбродности, едва подошедшую меня, лорд взял за руку и повел как маленькую. Куда?

– Хочу один момент прояснить, – словно отвечая на мой невысказанный вопрос, сообщил господин Эллохар.

– Какой момент? – заинтересовалась я.

– С драконом, – невозмутимо сообщил лорд. – А если точнее, то с благодарностью.

Мне ничего понятно не было. Совсем. Но независимо от того, темная эта ночь, или же яркий как сейчас день, ощущение моей ладони в его руке... Это неправильно и непозволительно, я понимала, но отчего-то когда господин Эллохар осторожно сжимал мои пальцы, я чувствовала себя... Я больше не ощущала так остро своего одиночества. Я была не одна, я чувствовала тепло, поддержку, заботу. И слезы на ресницах, ведь это не правильно и недостойно леди, но... И вопросы, так много вопросов, которые я не имела права задавать, но хотелось, очень хотелось.

– Ты улыбаешься, – произнес господин Эллохар, и я поймала его взгляд.

И поняла, что действительно улыбаюсь. Лорд вскинул бровь, затем остановился, развернул меня к себе и тихо спросил:

– А ты рада мне?

– Конечно, – торопливо подтвердила я.

– Правда? – не поверил он.

Улыбнувшись снова, я кивнула и произнесла:

– Я всегда рада друзьям, господин Эллохар.

Мужчина скривился, словно съел что-то весьма кислое и тихо выругался:

– Бездна!

– Что? – не поняла я.

– Без дна этот пруд, – пояснил лорд, вновь беря меня за руку и продолжая путь, как-то излишне резко.

– Ну почему же? – мимоходом взглянула на гладкую водную поверхность. – Очень даже со дном, у нас здесь практикум по судебному целительству был, и со дна двух утопленников достали.

В следующее мгновение, внешне невозмутимый лорд, задал неожиданно язвительный вопрос:

– Ты была им рада?

– Утопленникам? – переспросила удивленно.

– Ага, – бесстрастно подтвердил господин Эллохар. – Но забудь, главное, что выводы я сделал. Идем быстрее.

* * *

Подземелья

Западное королевство дроу

Резиденция шестого жреца великой Тьмы

Смерть была его любимым развлечением. Любимым, изысканным, желанным. Иногда Таэлрану казалось, что смерть то единственное, ради чего он примкнул к Идущим путем ненависти. И оглядывая жрецов Тьмы, дроу частенько раздумывал, почему именно он, столь далекий от идей заговорщиков, каким-то немыслимым образом встал во главе учения. Но быть

лидером, Золотому жрецу нравилось. Это дарило ощущение свободы, значимости, вседозволенности. И позволяло убивать. Смерть – богиня, которой был готов поклоняться Таэран, но увы – смерть не была богиней.

«Издавка судьбы», – в очередной раз меланхолично подумал жрец, и обвел взглядом присутствующих.

Черные мантии, рисунок ненависти на лицах, черные когти постукивают по мраморной крышке стола, жаждущие взгляды направлены на него. Ждут, готовые внимать каждому его слову, готовые идти куда прикажет, и даже не подозревают как смешна прежнему недостойному слепая преданность бывших вышестоящих иерархов религии дроу.

– Братья мои, – Золотой жрец произнес это сидя, презирая давно установленное правило – говорящий да устоит, – имя первой жертвы определено.

Жрецы не произнесли ни слова, но все и разом подались вперед, жаждущие услышать великое знание. Таэлан мысленно усмехнулся и произнес:

– Леди Дзя Тьер!

Мгновение потрясенной тишины и началось:

– Нет! – категоричное заявление четвертого жреца.

Таэлан запомнил.

– Это невозможно, – выдохнул девятый.

Эгирок сомневается, что ж Золотой об этом знал.

– Слишком опасно, шестой, – торопливо заговорил первый.

Бывший лидер фактически, а номинально все еще верховный жрец Тьмы, Кахинор всегда осторожничал. «Именно потому я во главе, а ты пресмыкаешься у моих ног», – мстительно подумал Золотой жрец.

И вскинул руку.

Тишина вновь окутала своды великой пещеры Тьмы. Таэлан наслаждался этим упоительным ощущением значимости, но не позволил и тени эмоций отразиться на лице. О нет, шестой жрец был совершенно бесстрастен, спокоен и решителен.

– Тьма испытывает нас, братья, – голос его разносился слабым эхом.

И вновь решился возразить лишь четвертый:

– Судьба говорит, что не время. Жертва слишком опасна для нас, братья.

И с ним были согласны не то, что многие – все. Таэлан отчетливо видел это. Впрочем, он на иное и не рассчитывал, именно поэтому принесший весть скрывался им до сего дня. Потому что именно сегодня, Золотой жрец мог сказать:

– В саду королевы расцвели розы, братья. Золотые розы.

И наслаждался повисшей тишиной. Жрецы потрясенно молчали, глядя на того, кто возглавил идущих путем Ненависти. Он улыбался, сверкая острыми оточенными клыками, столь ярко выделяющихся на фоне выкрашенных в черный цвет губ дроу. И Таэлан не считал нужным скрывать улыбку.

Да, он бросил вызов верховной власти.

Да, эта ночь станет пиром Смерти, где главным угощением будут королева и ее дочери.

Да, никогда прежде идущие не стремились к захвату власти в королевстве, что стало их пристанищем. Но он Золотой жрец, он великий Таэлан, он тот, кто приведет к победе.

– Отступаешь от канонов, брат, – сухо произнес четвертый жрец.

Золотой улыбнулся шире, пристально глядя на Тагора, и парировал:

– Разве каноны привели нас к победе, брат?

И жрецы переглянулись, а после кивнули, признавая правду Золотого. И только четвертый вновь выступил против:

– Но смерть королевы не приведет к нашей гибели, а леди Дзя Тьер... Братья, готовы ли вы бросить вызов темному? Готовы ли утратить все, что создали, ради прихоти Золо...

– Ее избрал не я, – с глухой яростью перебил Таэлран, – и не я пытаюсь оспорить выбор Судьбы.

А вот это уже намек. С нескрываемой угрозой. Четвертый жрец побледнел, отвел взгляд. Золотой мысленно усмехнулся – Тагор не относился к тем, кто готов был рискнуть и станцевать на лезвии ножа, а потому...

«Скоро, очень скоро я увижу твою смерть, четвертый, – подумал Таэлран». Но сейчас перед ним стояли иные задачи:

– Леди Дзя Тьер, – повторил Золотой жрец.

– Тьер, – первый нахмурившись, взглянул на Таэлрана и напомнил: – Мы все помним Великий Мрак, брат мой, ты же молод и не ведаешь, что Тьер сын леди Тангирры Анаргат.

– Почему же, мне это известно, – Золотой позволил себе спокойную улыбку. – Как и то, брат мой Кахинор, что сорок четыре года назад, Судьба указала на леди Тангирру Анаргат, как на дитя Бездны. Но вы, в наивной вере о собственной разумности, вознамерились учить Судьбу, и для свершения ритуала попытались захватить ее племянницу, леди Алитерру. Мне ли напомнить вам, как жестоко наказала Судьба?

И подавшись вперед, Таэлран зашептал, быстро и жестоко:

– Двое выживших их четырнадцати тысяч, братья! Двое! Спасенные чудом!

Жрецы опустили головы, признавая правоту самого молодого из них. И слово взял пятый, самый верный из последователей Золотого:

– Веди нас, брат Таэлран! Веди путем Ненависти! Ты слышишь веления богини, ты готов подчиниться Судьбе, ты приведешь нас к победе! И мы напитаемся силой, брат! Силой великой Тьмы!

– Веди нас! – поддержал первый.

– Веди Ненавистью! – второй.

– К победе, брат! – третий.

– Да будет путь твой верным, – в голосе четвертого прозвучал глухой укор.

Остальные вторили первым трем. Золотой жрец милостиво улыбался дроу, вознамерившимся стать богами, и если хоть кто-то из них мог уловить отголосок его мыслей – кинжалы из ножен достали бы разом. Но все пятнадцать жрецов как покорные бараны послушно следовал плану Таэлрана. Ему верили.

* * *

Третье королевство. Сарда

Найрина Сайрен

Едва мы вышли из парка, я осторожно отняла свою ладонь у господина Эллохара, смущенная взглядами знакомых мне торговцев. Лорд не оставил мой жест без внимания и галантно предложил локоть.

– Боюсь, в среднем классе подобное не принято, – прошептала я.

Взгляд свысока и неожиданный вопрос:

– С каких пор вы относите себя к среднему классу, леди Сайрен?

Он говорил не громко, и только это спасло меня от внимательных ушей госпожи Варих, проходящей мимо и с интересом разглядывающей как меня, так и моего спутника. Но едва она отошла, я тихо ответила:

– Я не отношу себя ни к какому классу, господин Эллохар, я просто знаю, что в среде торгового сословия такие вольности не допустимы, и мне вовсе не хочется расстраивать госпожу Шилли, приютившую меня в своем доме и, следовательно, в глазах общества несущую за меня ответственность.

На мой монолог господин Эллохар отреагировал внимательным взглядом, и сообщил:

– Почти пришли.

Кто бы мог подумать, что мы пришли в книжную лавку! От удивления, я остановилась, а вот мой спутник, небрежно-ленивой походкой направился в к прилавкам, и не обращая внимания на ошоломленного торговца, принялся осматривать корешки книг. И глядя на то, с какой уверенностью и грацией двигается мужчина, я окончательно уверилась в том, что обращаюсь к нему совершенно неверно, и мне следует извиниться. Однако дальнейшие события заставили напрочь забыть об извинениях.

– Любезнейший, – господин Эллохар обернулся, с пренебрежением взглянул на господина Ллори, знакомого мне книготорговца, – позвольте узнать, в каком отделе у вас располагаются любовно-лирические книжечки о принцессах, спасенных из лап драконов?

Торговец утратив дар речи от тона светловолосого лорда, замялся и начал заикаться, едва попытался ответить. Пospешив прийти ему на помощь, я торопливо ответила:

– Господин Эллохар, учебная литература находится в самом здании лавки, на уличных прилавках выложены наименее дорогие и...

Холодный спокойный взгляд серых глаз и меня вынудил позабыть о способности разговаривать. Я оборвала себя на полуслове, от чего-то глубоко оскорбленная.

– Благодарю, прелесть моя, – весьма издевательски произнес мой спутник, – однако вопрос был адресован не вам, леди Сайрен. – А затем с холодно-издевательской учтивостью: – Со столь низкими речевыми данными, вам не то что в книготорговцы, вам и в гробовщики путь заказан, милейший. Впрочем, речь в данный момент не об этом, так что будьте любезны выполнить мой запрос, согласен даже на жесты.

И после данной тирады, единственной оставшейся у меня мыслью, было: «Кто этот человек?». Решительно миновав те несколько шагов, что отделяли меня от лавки, я стремительно подошла к господину Эллохару, и разгневанным шепотом, потребовала ответа на обоснованный вопрос:

– Что вы себе позволяете?!

Медленно повернувшись ко мне, мой собеседник отреагировал выгнутой бровью и молчанием. Лицо лорда казалось совершенно бесстрастным, зрачок не расширился, что свидетельствовало об отсутствии гнева, но почему-то я всем существом ощутила его ярость. Не визуально, нет, а на каком-то интуитивном уровне. И внутри что-то содрогнулось. И словно тень набежала...

* * *

Третье королевство. Сарда

Адепты Смерти

Оборотень и вампирша потрясенно смотрели на хрупкую целительницу, гневно взирающую на демона. Высшего демона, раскинувшего черные призрачные крылья и оскалившего клыки.

– Магистр утратил контроль, – потрясенно прошептала адептка.

– Нет, он удерживает иллюзию, человеческие существа ничего не замечают, – тоже шепотом ответил оборотень.

– Но чувствуют, все чувствуют. Посмотри, сердце торговца едва бьется, у женщины в цветочной лавке приступ аритмии, и кровь... она застывает в жилах, Хернан.

– А инструкций нет, – простонал оборотень.

– Начнутдохнуть, набрасываем иллюзию и осторожно оттаскиваем трупы в лечебницу, – решила адептка Смерти.

Но прошел миг, и демон вернул облик темного лорда. Вернул решительно, резко, почти болезненно, чтобы услышать от целительницы виноватое:

«Простите, я ни в коем случае не хотела вас обидеть, но вы... вы... Господин Эллохар, вы приводите в ужас господина Ллори, а у него большое сердце».

И черные крылья взметнулись вновь!

– Вот Бездна, – простонала вампирша, – она при нем думает о другом мужчине!

– Ни ума, ни заботы о ближних, – вздохнул оборотень. – И магистр еще говорил о каком-то сострадании.

– Да, жестокая, – подтвердила вампирша. – Готовь иллюзию.

* * *

Третье королевство. Сарда

Даррэн Эллохар

Терять контроль снова было досадно. Именно досадно. И из-за чего? Холодно глядя на девушку, магистр Смерти отчетливо понимал – она ведет себя сообразно с собственным отношением к миру. Ее поведение совершенно нормально и понятно. Проблема лишь в том, что и его поведение полностью соответствовало его отношению к женщине, которую демон признал своей. Вот только из них двоих она имела право вести себя так, а он нет. Еще нет. И принц Хаоса знал об этом. Был готов к этому. Точнее считал себя подготовленным, сдержанным, умеющим держать себя под жестким контролем. И тут это. И огромные испуганные глаза, вззирающие на него со смесью укора, и сожаления. И это ее «Простите, я ни в коем случае не хотела вас обидеть...».

– Я не обиделся, Найриша, – с трудом сдерживаясь, процедил Эллохар. – Но согласитесь, поведение столь оберегаемого вами господина Ллори, не поддается объяснению.

Целительница лишь шире распахнула удивленные глаза.

«Сорвусь, схвачу, и приручать буду в Хайранаре! – мрачно пообещал самому себе принц Хаоса. – Но потом, когда повзрослеет!».

И с этой мыслью, магистр Смерти улыбнулся ничего не понимающей магианне, затем повернулся к торговцу и уже совершенно спокойно и даже дружелюбно, поинтересовался:

– Где нужные мне книги?

* * *

Третье королевство. Сарда

Найрина Сайрен

Мы сидели на скамье у озера. Господин Эллохар читал, причем обязательно открывал книги на последних страницах и делал пометки карандашом, я же молча следила за тем, как торопливо направляется к нам прислуга из ресторации «Озерная». Ранее, мой спутник щедро расплатился полновесным золотым с господином Ллори, и этой монеты, размером с ладонь ребенка, вполне хватило бы на покупку половины ассортимента лавки книготорговца, но господин Эллохар на все возражения, ответил великодушным:

– Вам за труды, милейший, и берегите сердце, очень не хотелось бы лишиться столь трепетно относящегося к наследию предков ценителя истинной литературы.

Завуалированные извинения были приняты с благодарностью, и лорд, подхватив внушительную стопку книг и попросив не отставать, покинул помещение. Недоумевающая я последовала за ним в ресторацию «Озерная» где с не меньшим удивлением, чем персонал, выслушала требование подать чай и пирожные во-он за ту скамью у озера.

И вот в данный момент, трое подавальщиков сноровисто сервировали стол, принесенный охранниками.

– Мне бы еще мясной пирог, – не поднимая головы и не прерывая деятельность, произнес господин Эллохар.

Прислуга, низко поклонившись, поспешила исполнить повеление.

– Найриша, мне четыре ложки сиропа в чай, пожалуйста, – попросил мой странный спутник.

Я поднялась и отправилась в ресторацию, мыть руки, проигнорировав принесенные пиалы с лимонной водой. Не потому что мне так хотелось, а потому что только мыло действительно очищает руки, а я сегодня больного перевязывала. И только вернувшись, исполнила просьбу магистра, вливая в его чай четыре ложки болотного сиропа. Сама я предпочитала мед, но не в чай.

Расположила чашку и блюдо ближе к господину Эллохару, который словно и не заметил моего возвращения, и невольно вздрогнула, услышав:

– Спасибо, моя прелесть.

– На здоровье, господин Эллохар, – ответила я, присаживаясь на скамейку.

Вскинул голову, взглянул на меня, улыбнулся и вновь погрузился в чтение. Странный человек. Очень странный, но странно и то, что сидя рядом с этим лордом, я вовсе не хотела уходить. Сегодня открытие чайной, масса дел требует моего внимания, от расстановки сервизов, до принятия песочной и миндальной выпечки от господина Сайка, а я... Я сижу в парке, с самым странным человеком из всех, кого когда-либо встречала и мне совершенно не хочется уходить. Странно? Более чем, я сама себя не узнавала. Рядом с господином Эллохаром почему-то становилось тепло, где-то там, внутри, в душе. И я смотрела на профиль с хищным чутьем с горбинкой носом, на тонкие губы, на резкие черты лица – и понимала, что человек с такой внешностью добрым быть не может, но...

И вдруг господин Эллохар, не поднимая головы, произнес:

– Скажешь что-то про моих предков уб... отшлепаю.

Я едва чай не расплескала от удивления, да и возмущения тоже.

– Простите, но...

И осеклась на полуслове, едва мужчина повернулся, хмуро посмотрел на меня, а после недовольно произнес:

– Ну как же, сейчас ты меня рассматриваешь внимательно, после заявишь, что у меня внешность странная, вроде как волосы северянина, глаза степняка, нос горца, а в итоге скатишься к обсуждению морального облика моих предков, допустивших столь неординарное смешение национальностей.

Хотела было возразить, что и в мыслях не было, но... говоря откровенно, внешность господина Эллохара действительно была странной с точки зрения разбирающегося в народностях целителя, так что да, некоторые мысли на счет неразборчивости в связях невольно появились.

– Простите, а ваша мать... – начала было я.

И была остановлена достаточно грубым:

– Ее убили.

Я едва не обронила чашку. И обронила бы, не подхвати ее господин Эллохар, совершив какое-то невероятно быстрое, молниеносное движение. Затем мужчина отобрал у меня и блюдо, поставил все на стол и посмотрел. На меня. Прямо, угрюмо и даже зло.

– Мне так жаль, – прошептала я, глядя на мужчину и начиная догадываться, почему он оказался настолько благороден, что в первую нашу встречу сопровождал меня до лечебницы, а во вторую нес на руках через весь город, чтобы доставить в дом госпожи Шилли.

Теперь я поняла все, и стало бесконечно жаль его, до слез жаль.

– Не реви, – мужчина не улыбнулся, нет, но глаза потеплели.

– Глупо выгляжу, – я торопливо достала платок, его собственный, вытерла слезы. И попросила: – Простите.

– За что? – переспросил господин Эллохар. – Мне впервые так искренне посочувствовали, даже не ожидал. Хотя зная тебя...

Мой собеседник отставил книгу, взял чашку, сделал глоток, и, глядя на озеро начал рассказывать:

– Она была целительницей... – пауза, словно он хотел что-то добавить, но не решился и продолжил: – Знаешь, существуют настолько добрые, светлые и чистые создания, что их требуется неустанно беречь и охранять, потому что они не способны выжить самостоятельно. Совершенно не способны. Как и подумать о себе. Нет, вас заботит всеобщее благоденствие, какие-то вечно-сопливые чужие дети, и подонки, которых убивать, а не лечить следует. Но вы же этого не видите.

Господин Эллохар замолчал, сделал еще один глоток чая, и негромко, все так же глядя на водный простор городского озера, сказал:

– Она спасла чужого ребенка и погибла, оставив собственных двоих детей. Мне было чуть больше десяти, сестричка... совсем еще кроха. Отец... отец сначала искал виноватых, после винил себя, еще чуть позже утешился в объятиях другой женщины. Мы с сестрой после смерти мамы переехали к бабушке. Потом, когда отец завел новую семью, Риш вернулась в дом и даже стала называть «мамой» эту... особу.

Он замолчал, и я не могла не спросить:

– А вы?

Ответа не последовало и могло показаться, что он не расслышал вопроса, но... он услышал. И на хищном лице угрожающе шевельнулись жгуты желваков, судорожно дернулся кадык.

– Моя мать погибла, – после недолгого молчания, произнес господин Эллохар.

Вот и все. Я на мгновение закрыла глаза, понимая гораздо больше, чем он сказал. Мальчику было десять, он очень любил маму, очень. Другую женщину возненавидел сразу, как и отца, предавшего память его матери. Так больно. Больно за маленького мальчика, который внезапно остался один, ненавидя и проклиная за смерть матери весь мир, всех детей, и отца, не желавшего скорбеть вместе с ним. Больно за женщину, отдавшую свою жизнь, выполняя долг. Больно за господина Эллохара, так и не простившего отца.

– Найрина, вы опять рыдать собираетесь? – язвительно поинтересовался он.

Отрицательно покачала головой, и торопливо вытерла слезы. Даже улыбнуться постаралась. Мы помолчали и вдруг мужчина грубовато спросил:

– Тебе действительно настолько жаль мою мать? Вы же даже не встречались.

– Нет, – прошептала я, глядя в свою чашку, – мне очень жаль вас. Даже не совсем вас, а того маленького мальчика, который остался совсем один и ему до сих пор больно.

Я не смотрела на господина Эллохара, он ничего не сказал мне. Мы в тишине допили чай, после я поднялась, и налила нам еще по чашке, а мужчина, подтянул себе ближе тарелку с булочками, мне же пододвинул пирожные и мы продолжили наслаждаться вкусом чая, ароматами цветов, прекрасным пейзажем городского озера, и мелодией, которую где-то вдалеке играли бродячие артисты.

– Красиво здесь, – заметил господин Эллохар.

Кивнув, я продолжала молчать. И внезапно поняла, что впервые за всю прошедшую неделю, позволила себе сесть и вот так наслаждаться чаем, глядя вдаль и ни о чем не думая. Не было счетов, не было договоров, планов, мастеров, заказов, рисунков с интерьером... Только спокойствие и умиротворение. Рядом с этим удивительным человеком, все проблемы почему-то стали казаться решаемыми. Абсолютно все.

– Как вы тут без меня поживали? – весело поинтересовался господин Эллохар.

Искоса взглянув на него, я поймала такой же осторожный взгляд и улыбнулась.

– Плодотворно, – маленький глоток, а после я решила не скрывать того, в чем была практически уверена: – Спасибо вам за лорда Экнеса, господин Эллохар.

– Мм? – подчеркнуто искренне удивился он.

Вот только в серо-синих глазах словно искрилась улыбка.

– Просто – спасибо, – не стала я развивать тему.

– Кстати, о благодарности, – господин Эллохар поставил свою чашку на стол, затем отобрал мою чашку, так же водрузил на блюдце, и протянул мне книгу с закладкой. – Третий абзац сверху, – уведомили меня. – Ознакомьтесь и сделайте необходимые выводы, леди Сайрен.

Более чем заинтригованная я, открыла, нашла нужный абзац и зачитала вслух:

«Прекрасная юная, свежая как лепесток розы Иллитиэль выбежав из пещеры, на краткий миг прижала ладони к хаотически вздымающейся груди. Сердце ее трепетало!»

– Долго бежала, – вскользь заметила я, – видимо не пещера, а лабиринт.

– Хм. Почему вы так решили? – задал вопрос мой спутник.

– Молодой организм и характерные для преклонного возраста проявления... Странно, согласитесь, – я взглянула на мужчину.

Лорд нахмурился и попросил:

– Дальше, Найриша.

Вновь углубившись в строки, я зачитала: «Взгляд ее блуждал по сильному телу отважного воина, гордо возвышающегося над трупом поверженного дракона».

– Дракон размером с лошадь? – скептически спросила я.

– Это образное выражение, – прорычал вдруг господин Эллохар. – Здесь автором использовалась метафора, способствующая демонстрации того, что воин возвысился над убитым врагом, потому как оказался сильнее.

– На счет сильнее, я бы поспорила, – невольно улыбнулась мужчине. – Ну, господин Эллохар, как вы себе это представляете: человек сильнее дракона? Вы драконов видели? Это три-четыре человеческих роста и огромная масса мышц.

Нервно схватив чашку, лорд махом допил чай, швырнул фарфоровое изделие на стол, и прошипел:

– Это – метафора. Что касается силы – леди Сайрен, ну о какой силе может идти речь там, где есть победитель и побежденный? В такой ситуации априори сильнее тот, на чьей стороне победа. Читайте дальше!

Вздвигнув от его приказного тона, я послушно прочла:

«– О, мой прекрасный воин, – воскликнула юная Иллитиэль, – о светоч чистоты и света!»

Я рассмеялась. Наткнулась на взгляд господина Эллохара и вмиг умолкла, а после сочла необходимым объяснить свою реакцию:

– Воин только что сражался с драконом, и, судя по замыслу автора, даже победил, а для этого требуется перерезать артерию рептилии, следовательно, как минимум воин сейчас полностью в крови, как максимум он еще и в пыли и грязи, так как драконы дорого продают свою жизнь и...

– Найришшшшшшш, – перебил меня господин Эллохар, – читай!

Осторожно отодвинулась от взбешенного мужчины, и вернулась к чтению:

«Как тонконогая лань устремилась юная Иллитиэль к спасителю и подарила поцелуй, исполненный искренней благодарности. И воин...».

– Достаточно, – прервал чтение лорд.

Отобрал у меня книгу, взял другую, открыл там, где была закладка, достал карандаш и, подчеркнув две строчки, протянул мне.

– Читай исключительно помеченное, Найриша, не зли меня, – с нескрываемым глухим раздражением, потребовал господин Эллохар.

На сей раз мне достался древний текст, где подчеркнутой было одно единственное замысловатое предложение:

«И прекраснейшая из дев, диво солнца и семи лун, чье сердце рвалось от скорби и печали, припала к устам отходящего в мир Тьмы воина, что спас ее из лап проклятого небом дракона и чудовища, и одарила умирающего исполненным благодарности лобызанием».

– Одного не поняла, – завершив чтение, произнесла я, – из лап дракона или чудовища?

У меня молча отобрали книгу, после чего открыли другую, подчеркнули, и протянули мне.

«Одарила благодарственным поцелуем» – послушно прочла.

После было:

«Поцеловала, искренне и нежно, вложив в прикосновение всю признательность за спасение».

«Страстно поцеловала спасителя».

«Спаситель был одарен благодарственным лобызанием».

«Припала к его устам, в знак благодарности».

«Облобызала спасителя».

Я как самая прилежная ученица, прочла все, что было подано, и закрыв последнюю из книг, с откровенным удивлением посмотрела на господина Эллохара, который с явным ожиданием взирал на меня.

– Ну? – после продолжительного молчания, потребовал он.

– Эм, – я несколько смутилась, не зная как правильно выразить, в итоге предположила: – Авторы использовали метафору, да?

Из груди мужчины послышалось глухое рычание.

– Образное выражение? – отодвинувшись еще чуть дальше, продолжила я строить предположения.

– Нет, прелесть моя! – рявкнул господин Эллохар. – Никаких метафор и образов, исключительно четкая инструкция на тему как именно следует благодарить спасителей! Пособие для молодых и наивных целительниц, так сказать.

И на меня посмотрели. Выразительно и с намеком. А памятуя тот наш разговор о драконах у лечебницы для душевно больных, осторожно спросила:

– То есть в ситуации между убийством дракона и его расчленением на необходимые для целителей органы и части тел, воин и спасенная им целительница должны поцеловаться?

Меня откровенно удивило выражение лица господина Эллохара – его глаза расширились, промелькнуло что-то до боли напомнившее мимику наших преподавателей, столкнувшихся с откровенным отсутствием ума у адептов, более того, обычно так смотрели на тех, кто был совершенно безнадежен.

– Ддопустим, – прорычал через некоторое время лорд.

И вот тогда я позволила себе спросить:

– А в чем смысл?

Глухой, полный невыразимой муки стон огласил окрестности. После чего господин Эллохар откинулся на спинку скамьи, сложил руки на груди, и зло произнес:

– Бездна!

– Да нет же, у этого озера тоже есть дно, – возразила я.

– Угу, я догадался, – мрачно и, глядя четко вперед, съязвил мужчина. – Полагаю, трупам, которые оттуда достали, вы так же были безумно рады.

Обиженно смотрю на господина Эллохара, он хмуро взглянул на меня, разозлился еще сильнее, но произнес тоном, в котором не было ни тени сожаления:

– Прошу прощения, неудачно пошутил.

Отвела взгляд, посмотрела на свои руки, платье, вспомнила, что нужно еще съездить к госпоже Линкин, забрать наряд для сегодняшнего вечера, и в чайной еще так много дел, и я просто не могу позволить себе тратить время и...

– Вы закончили с чаем? – сухо спросил господин Эллохар.

– Да, спасибо, – прошептала я.

– Чудненько. Идемте, я провожу вас.

И он поднялся, не глядя на меня и не протянув мне руки. И от этого стало как-то пусто и одиноко, и грустно до слез.

Я поднялась, привычно разгладила юбку и вышла из-за стола. Господин Эллохар величественно направился вперед, предоставив мне догонять его. Впрочем, едва я зашагала рядом, он стал идти медленнее, но смотрел строго перед собой, зло, раздраженно. И я не выдержав, тихо спросила:

– Я чем-то обидела вас?

Ожидала любого ответа, кроме злого:

– Да.

Вздрогнула и прошептала:

– Простите, я не хотела.

– Знаю, и от этого в тысячу раз досаднее! – хрипло и зло ответил он.

От одного тона его голоса в данный момент, хотелось бежать прочь и не только мне – упорхнули испуганной стайкой птицы, бросилась прочь по дороге кошка, две собачки, мирно спавшие неподалеку под деревом, вскочили и... тоже убежали. И вдруг я сделала то, что вероятно не следовало бы – я взяла господина Эллохара за руку, сама, невзирая на то, что это белый день, вокруг десятки людей, а в среднем сословии нравы куда как жестче, чем среди магов и аристократов. Просто коснулась его ладони, и мужчина мгновенно сжал мои пальчики, осторожно, но крепко. И солнце словно стало сиять ярче.

– Знаете, – продолжила я делать глупости, от которых становилось теплее на душе, – сегодня открытие чайной, в которой я управляющая и...

Я запнулась, господин Эллохар улыбнулся и переспросил:

– И?

Насколько допустимо правилами приличия приглашать совершенно незнакомого мужчину на мероприятие такого уровня? Я не знаю. Но сегодня предстоял действительно сложный вечер и почему-то мне казалось, что если там будет господин Эллохар, я не стану так сильно переживать. А потому, зажмурившись, единым махом выпалила:

– И мне будет очень приятно, если вы зайдете на чашечку чая как... мой личный гость.

Сказала, и хотя мы продолжали идти, я все так же держала глаза крепко зажмуренными и, затаив дыхание, ждала ответа. Ответа не последовало, был ехидный вопрос:

– И вы будете мне рады?

– Конечно! – не задумываясь, заверила я.

И вот тогда мужчина елеиным голосом поинтересовался:

– Как труп?

На мгновение я замерла, широко распахнув глаза и возмущенно глядя на господина Эллохара. А потом лавиной накатила обида. Невероятная, жгучая обида на него и на несправедливость его намека. Но уже в следующий миг я вырвала ладонь из его руки, резко повернулась и ушла, быстрым шагом, не оглядываясь.

Мне вслед понеслось «Найри!», но я лишь ускорила шаг. А после и вовсе почти побежала, пересекла улицу, едва не попав под копыта проезжающего экипажа, и даже не извинившись перед возницей, миновала дорогу и вбежала в чайную. И Герман и Алех, заметив мое появление, позвали, но даже не ответив, я бросилась внутрь, поднялась по витой лестнице наверх, на второй этаж, где мы готовили детскую комнату, заперлась в туалетной и вот там дала волю слезам. Истерика в парке оказалась столь несущественной, потому что стыдно мне было как раз за эту.

И кто бы мне объяснил, откуда столько слез и обиды, столько негодования, столько горечи, стоит вспомнить сказанное им «Как труп?».

– Найри, – Герман настойчиво постучал в дверь. – Найри, что случилось? Найрина, я же дверь выбью.

Дорогую, к слову сказать. Потому что художник разукрашивал, для детской же.

– Нет! – воскликнула я, торопливо вытирая лицо полотенцем. – Я сейчас.

– Так и знал, что сработает, – весело заявил парень.

Я промолчала.

– Найри, – нетерпеливо позвал младший Шилли.

– Уже выхожу, – прошептала я.

И умылась холодной водой. Бесполезно. Заплаканные глаза, красный распухший нос, губы тоже распухли, и подбородок красный. «Красотка».

Открыла дверь, слабо улыбнулась Герману и постаралась сразу пресечь любые вопросы:

– Я сама виновата.

Младший Шилли скептически вскинул бровь.

– Моя вина, правда, – почему-то голос упал до шепота.

Герман мрачно оглядел меня с головы до ног, словно даже свысока. Как он это делает, учитывая, что рост у нас почти одинаковый, не знаю, но умеет. А после и вести себя начинает как старший, не взирая на разницу всего в десять месяцев.

– Опять этот странный тип с юга? – прямо спросил Герман.

Я не ответила.

– Да брось, о вас тут весь квартал гудит, после того как лорд половину книжной лавки у господина Ллори скупил.

– Всего двенадцать книг, – поправила я.

– Да? – Шилли искренне удивился. – Странно, по последней информации два стеллажа вынес.

Удивленно смотрю на Германа, парень улыбнулся и добавил:

– Не переживай, самое интересное услышим вечером, уверен, к тому моменту пойдут слухи, что лорд у господина Ллори всю лавку скупил и вообще дело теперь сам вести будет. Ну да мелочи, поехали платье забирать.

– А костюмы? – тут же встревожилась я.

– Уже доставили, – торжественно объявил Герман.

И я постаралась отвлечься на текущие проблемы. Форму нашим служащим шили в спешном режиме, но не так дорого, как запросили вначале – с ними Сэм поговорил, и почему-то цена была мгновенно снижена втрое, а на карте города в тот же день была изображена швейная мастерская сестер Олрин.

Спустившись вниз, обнаружили охранника, чинно выходящего из подсобки в черном костюме с зелеными манжетами и воротничком стоечкой. Выглядел бывший наемник очень солидно и внушительно.

– Прекрасно! – торжественно объявил он мне. – У вас, госпожа Сайрен, вкус отменный.

– Спасибо, – разглядывая его с улыбкой, ответила я, – рада, что вам нравится.

Вошел Сэм – остановился на пороге, с самым довольным видом осмотрел интерьер чайной, весело подмигнул мне, одобрительно кивнул охраннику Санру, показывая, что оценил его внешний вид, и сказал Герману:

– Пирожные не привезут.

Я едва на ногах удержалась.

– Как не привезут? – голос дрогнул. – Сэм, – торопливо подошла к среднему Шилли, – мы вчера были у господина Сайка, еще раз перепроверили списки заказа, к выпечке должны были приступить еще ночью.

Парень покивал, с самым разгневанным видом, затем хмуро посмотрел на Германа и повторил:

– Вы вчера были у Сайка... – нахмурился и уже зло: – И что, ничего не заметил?

Герман тоже подошел к нам, и выглядел несколько виноватым, что откровенно удивило меня. И я удивилась сильнее, едва младший Шилли произнес:

– Не заметил. Прости.

– К чему «прости»? – Сэм был взбешен. – Я же предупредил, Герман. Изначально предупредил, что Сайку доверять не стоит! У этого вонючего отпрыска тролля был договор с Мирваром. Они ничего для нас не сделали, Герман. Ни-че-го. Ровным счетом. Сайк мило вам вчера поулыбался, покивал и... распустил рабочих.

С тихим стоном я опустилась на ближайший стул. Кондитерскую господина Сайка выбрала я – у господина Мирвара вкуснее выпечка, но только господин Сайк превращал сладости в некоторое подобие искусства, и выглядели его пирожные изысканно и изящно, самое то для чайной.

– Откуда узнал? – хмуро спросил Герман.

– Аа, – Сэм неожиданно улыбнулся, – а это самое веселое. Найри, ты два года назад ребенка лечила от ветряной лихорадки, помнишь?

Я подняла голову, с некоторым недоумением посмотрела на Сэма.

– Ну, мальчик, ему пять было, маленький такой, с погрызленным ухом.

Погрызенное ушко я вспомнила – недоглядели за ребенком, ему соседский пес откусил кусочек еще когда малышу два было. Вот с ушком я провозилась куда больше, чем с лихорадкой – не хотела, чтобы мальчик так ходил.

– Судя по глазкам – вспомнила, – сделал правильные выводы Сэм. – Так вот, маму его помнишь?

Я отрицательно покачала головой.

– А зря, – с улыбкой пожурили меня, – ибо самое интересное в матери заключается, так как именно госпожа Иверли в известность нас и поставила.

– Вот те раз, – выдохнул Герман.

– Остолоп, – высказался ему злой Сэм, и снова мне: – Давай в двуюлку, погнали домой. У нас до открытия пять часов, часть выпечки госпожа Иверли успеет сделать, мама всех мастеров по сдобе подняла, а часть нам закупить нужно.

Растерянно глянула на Германа.

– За платьем сам съезжу, – сходу понял он меня. – Меню возьми с собой, проверь пункты по закупке, что-то, а продукты сегодня закончиться не должны, иначе это провалом будет.

Подскочив, я помчалась в кабинет, уже ни о чем кроме открытия не думая.

* * *

Третье королевство. Сарда

Даррэн Эллохар

Магистр Смерти молча вышел из чайной. Остановился на пороге. Огляделся – оба адепта Смерти стояли перед террасой, оборотень неловко переминался с ноги на ногу, чувствуя себя виноватым, вампирша смотрела с вызовом, демонстрируя всем своим видом, что виновата вовсе не она. За столом сидел Алех Шилли и ругался отборными фразами, которым позавидовали бы и портовые грузчики.

Вышедший из чайной Сэм Шилли даже не осознал, почему по дуге обошел совершенно пустое на его взгляд пространство, прошел к брату, остановился.

– Как Найри отреагировала? – спросил старший.

– Расстроилась, – тихо ответил средний. – Больше всего рецептов жаль, Найрина две ночи в библиотеке сидела, искала, выписывала.

– Отберем, – мрачно пообещал Алех Шилли.

– Уверен? Старый козел явно времени даром не терял.

– Да знаю я, Сэм! – вспыхнул Алех. – Знаю, а ты знал, что Герман такие подставы не сечет, должен был сам с ней поехать! А теперь что? К демонам деньги, не на чайной, так на другом вытащим, а Найри жалко. Она только-только отходить начала.

Братья помолчали. Алех поправил перевязанную ногу, тихо выругался, но когда в чайной послышался торопливый перестук каблучков, быстро сказал:

– Разберемся. Найри ничего не говори больше. Когда оставишь ее у матери, съезди на окраину к Олшану, попроси двух поваров.

– Пять часов осталось, – совсем тихо напомнил Сэм.

– Знаю я! – прорычал Алех. – Езди быстрее.

Когда магианна выбежала на порог, оба брата Шилли уже выглядели совершенно спокойными и даже улыбались.

Магистр Смерти посмотрел на адептов, кивнул, указывая на девушку, и исчез во вспыхнувшем пламени.

* * *

Темная Империя. Приграничье

Ардам

Кондитерская мастера Мелоуина работала круглосуточно. С раннего утра выпекались сдобные булочки, воздушные пирожные и ароматные печенья, раскупаемые окрестными жителями к чаю, и спешащими на занятия учениками и адептами, просто чтобы быть съеденными по дороге. К обеду пеклись мясные пироги, слоенки с грибами, зеленью, овощами, а так же по особому рецепту запекалось мясо всех девяти разрешенных в империи видов, чтобы по приготовлению быть завернутыми в тонкое полупрозрачное тесто особых лепешек Мелоуина. А едва солнце начинало клониться к закату, в печах уже поспевали торты с разнообразными начинками, пирожные подобные произведениям искусства, вручную делались особые шоколадные конфеты. Но самое интересное начиналось ночью – уважаемый мастер-кондитер Мелоуин, был крайне благодарен одному памяtnому делу, которое расследовала контора частного сыска «ДэЮре» и тому удивительному рецепту, что был предложен самой что ни на есть чистокровной госпожой Риате. Именно с ее легкой руки в кондитерской открылось новое, особое, ночное направление. И теперь по ночам штат поваров увеличивался втрое, а вся продукция шла на экспорт. И какая это была продукция – заварные пирожные с кремом из чертополоха, полынное сладкое масло, бисквитные торты с пралине и семенами толокнянки, чесночные булочки и многое-многое другое, что пришлось по вкусу жителям Хаоса.

Так что мастер-кондитер был доволен, крайне доволен, и, оглаживая длинную бороду не раз задумывался о выражении искренней благодарности той, что уже носила имя леди Тьер и являлась гордостью всего Приграничья – как-никак, а брак с самими лордом Тьером дорогого стоит, значит оценили высшие власти крепость духа жителей самой опасной в империи территории. Но о благодарности расчетливый гном только задумывался, ибо одно дело сама Дэя Тьер, ей просто приятно будет, но офицер Найтес даром что не гном, этот своего не упустит и процент потребует.

От выбора между искренней благодарностью и гномьей бережливостью, мастера-кондитера отвлек странный шум за дверью. Шум был до крайности неприятный – с таким глухим стуком падать могут исключительно бездыханные тела служащих, клиенты обыкновенно молча

падать не желают и оглашают окрестности громкими воплями, а вот служащие падают молча – исключительно чтобы клиентов не распугать, ибо прибыль священна.

Но едва распахнулась дверь, и в кабинет уважаемого мастера Мелоуина согнувшись, ввиду низких потолков, вошел самый одиозный из всех темных лордов империи – почтенный гном сам с трудом сдержал крик и из последних сил удержался, дабы не последовать примеру своих служащих.

– Ужасающих, мастер Мелоуин, – войдя, произнес лорд Эллохар.

«Принц Хаоса, сам принц Хаоса!» – с ужасом думал гном.

– Я, говорю – кошмарных, – напомнил о вежливости магистр Смерти.

Мастер Мелоуин с ужасом осознал, что сползает с кресла. Увидев отсутствующий взгляд и побледневшее лицо гнома, магистр Эллохар улыбнулся и произнес волшебную фразу:

– Я к вам с деловым предложением, уважаемый.

Почтенный мастер-кондитер мгновенно встал, поклонился, произнес традиционное «Жутчайших, лорд Эллохар», и вновь сев, вежливо произнес:

– Готов к диалогу. Присаживайтесь.

Магистр Смерти занял кресло напротив стола уважаемого гнома, задумчиво огляделся и задал отвлеченный вопрос:

– Как продвигаются ваши дела?

Станным образом мастер-кондитер вновь почувствовал себя дурно. С коллегами в мирах Хаоса мастер Мелоуин общался, приходилось, и потому о взрывном характере наследника Ада был осведомлен даже сверх меры.

– Вижу, у вас все замечательно, – с улыбкой, от которого почтенный гном мгновенно вспомнил, про последние контрабандные поставки, произнес магистр Эллохар.

«Знает!» – решил мастер Мелоуин. – «Убьет!» – решил он же, спустя мгновение. «Нет, не убьет, утащит в свою школу Смерти и отдаст adeptам на опыты!» – эта мысль была последней, и мастер-кондитер решил, что пора принимать превентивные меры.

– Налоги выплачу незамедлительно, – пролепетал гном.

Темный лорд медленно, но крайне коварно растянул тонкие губы в улыбке и произнес:

– Натурой.

В следующее мгновение почтенный гном беззвучно свалился в обморок.

* * *

Третье королевство. Сарда

Найрина Сайрен

Дом госпожи Шилли в обеденное время по обыкновению пустовал, но не сегодня. Несмотря на то, что Сэм подгонял лошадей, на подъезде нас обогнала двуколка управляющего, в которой правил один из поваров пекарни, а старший повар не поднимая головы, вчитывался в какой-то список. Перед самыми воротами, обогнавшая нас двуколка затормозила, совершила крутой поворот и снова умчалась в город.

Удивленно смотрю на Сэма.

– Все хорошо, – заверил меня средний брат Шилли, – видимо просто не все составляющие по рецепту купили.

Нехорошее подозрение закралось в душу. Очень нехорошее.

– Сэм, – осторожно начала я, – господин Сайк не только ничего не сделал, но и забрал собранные нами продукты?

Он не ответил, подъехал к воротам, подождал, пока нам откроют, въехал во двор.

– Сэм, – вновь позвала я.

– Было бы о чем переживать, – весело ответил он. – Кстати, а рецепты у тебя сохранились? Черновики в смысле?

Яркий весенний день мгновенно стал сумрачнее. Подозрение теперь стало вполне обоснованным, и даже более чем.

– Найри, – Сэм обнял за плечи, – Найри, ну чего ты?

– Никогда не смогу понять человеческой подлости, – тихо ответила я.

Сэм спрыгнул с двуколки, протянул мне руку, помог спуститься. Почти сразу открылась дверь, выбежала госпожа Шилли, заторопилась к нам и едва подойдя, вся запыхавшаяся и покрасневшая, торопливо зашептала:

– Сэмик, мы должны взять ее на работу. Уговорить, перекупить, как угодно, у женщины дар, Сэмик, просто дар.

А затем она повернулась ко мне, широко улыбнулась и как маленькую заверила:

– Все хорошо, Найришенька, все успеваем. Вы нам только сейчас миндаль найдите, и вот те хрустящие орешки, что в прошлый раз...

Я тихо застонала. Миндаль нам везли четыре дня, под заказ! Орешки шакасы – пять суток, с южных провинций.

– Заменяем другими, – решительно сказал Сэм.

Не нашла в себе силы даже кивнуть. Все летело прахом. Все попросту летело прахом. Все, к чему я прикасаюсь... Пять случаев сломанных ног, полный провал с чайной, неприятности...

– Найрина! – жестко прикрикнула госпожа Шилли. – Опускать руки и плакать мы будем ночью, после того как открытие состоится и все клиенты счастливые и восхищенные по домам разойдутся. А сейчас соберись! Может оно и к лучшему, что сами печь будем, и ни от кого не зависеть! А Сайк этот еще покусает локти от досады, это я тебе обещаю!

Кивнула. Придерживая подол платья, побежала вверх, в кабинет госпожи Шилли, где должны были черновики остаться – для господина Сайка я все переписала на белые листы, аккуратно, четким каллиграфическим почерком... Кто же мог знать!

Все нашла где и оставила вчера – в нижнем ящике стола. Подхватила, ринулась вниз, в пекарню. Туда, из задней комнаты дома вел закрытый коридор, потому что все повара через дом проходили строго. Подойдя к проходной комнате, торопливо вымыла руки, затем надела белый платок, белый халат, переобулась, и по выскобленным доскам прошла в пекарню.

Шуму здесь было! Пекари выходили на работу по ночи – к двенадцати обычно. Муку просеивали, опару ставили, выпекали хлеба, булки, рулеты, пирожки, и успевали все к рассвету. На рассвете горячую выпечку по лавкам развозили, а повара как раз домой шли, спать. Сейчас же госпожа Шилли вызвала большинство поваров, фактически подняв с постелей. И не удивительно, что встретили меня хмурые, недовольные лица. Все, кроме повернувшейся невысокой женщины, которая сразу широко улыбнулась и сказала:

– Доброго дня, магианна Сайрен. Вот, стало быть, могу и я вам хоть частичку вашей доброты вернуть.

Глядя не ее худенькое, приветливое лицо я могла сказать лишь одно – совершенно не помню ее. Вот глаза эти большие карие помню, только на другом, детском лице, а женщину...

– Да что ж вы переживаете, – улыбнулась она, – не помните оно и ясно, вы на меня и не глядели вовсе, все за Захари моим доглядывали, глаз с него не спускали, зато и вырвали из лап безглазой.

– Здравствуйте, госпожа Иверли, – смущенно поздоровалась я.

Хотела спросить, как мальчик, но тут запыхавшись, вбежала госпожа Шилли и, схватив меня за руку, потянула обратно. Молча, но очень решительно. Быстро передав рецепты удивленной таким поворотом событий госпоже Иверли, я безропотно заторопилась вслед за вдовой булочника, и едва мы вышли из коридора в проходную комнату, я испуганно спросила:

– Что еще случилось?

– Ох, деточка, – госпожа Шилли стащила платок с моей головы, – мужчина там, странный очень. Тебя требует. И у него все с собой, и миндаль, и орешки южные, и специи странные, да весь запахом сдобы пропах. А тебя требует, пошли скорее.

И едва ли не волоком за собой повела. А едва мы вышли в гостиную, остановилась и меня вперед подтолкнула.

– Ага, – произнес низкий басовитый мужской голос, – стало быть, это и есть магианна.

И из кресла поднялся невысокий коренастый мужчина с бородой, большими карими глазами, пронзительно выглядывающими из-под кустистых бровей и внушительным носом. И в этом мужчине все было неправильно! Вот все. Нет, с первого взгляда самый обычный, низкорослый просто, но в то же время... Для низкого человека у него был слишком длинный торс и большие руки. То есть с точки зрения целителя – он был неправильным. А так самый обычный торговец с севера, разве что одежда излишне новая... И сапоги слишком новые. И...

– Ну, – упирая руки в бока начал мужчина, – стало быть лечили вы меня когда, а теперича верну вам толику доброты вашей.

Госпожа Шилли в нервно-радостном возбуждении покивала, и на меня вопросительно посмотрела. Вот только одно но:

– Простите, уважаемый господин, но я вас не лечила, – тихо, однако очень уверенно, произнесла я.

А незнакомец вдруг расстроился. У него даже плечи поникли, но спустя миг он вновь востепенел и выдал:

– Точно, деток вы моих лечили!

Еще раз, с искренним сомнением оглядела странного человека. Отрицательно покачала головой и еще тише ответила:

– Простите, но если бы я лечила детей с такими особенностями костной ткани, я бы непременно... запомнила.

Вот после этих слов лицо у мужчины стало обиженно-злое. После чего он топнул ногой, и вдруг выдал:

– Знаете что, врать никогда не любил, особенно за бесплатно! Не лечили вы меня, и слава Бездне. Еще чего не хватало, чтобы сопливая целительница в организме моем копошилась! Доучись сначала, кладбище наполни, а потом и суйся к почтенным гно... торговцам, вот! Пекарня где?

Потрясенная госпожа Шилли растерянно указала на проходную комнату. А мужчина, указав Сэму на мешки, сваленные у дверей, скомандовал:

– За мной неси.

И Сэм даже пошел и, подняв мешки, собрался последовать указанию, и только я осталась стоять в проходе, и на пути этого странного индивида. Ровно до его раздосадованных слов:

– Чего стоишь? И вот чего ты встала?! Вот всем честным мастерам работать надо, а она стоит, от дела отлынивает! Одним словом – аристократия. Тьфу на вас, трижды! От лорда Эллохара я, по его приказу и в дело ваше неприбыльное ввязался, ясно тебе? Уйди, кому ска- зал.

И я отошла. Потрясенно осознавая услышанное.

А деловитый незнакомец, за которым торопливо поспешила восторженная госпожа Шилли, уверенно двинулся к пекарне. При этом, похвалил вдову пекаря за организацию, и место для переодевания, и за чистые халаты, правда потребовал что-то чтобы бороду перевязать, раз уж тут о почтенных мастерах не позаботились, и когда он уходил по коридору, властный басовитый голос все слышался и слышался.

Сэм, бросив на меня взгляд, поторопился следом.

А я... я так и осталась стоять, посреди гостевой, думая только о словах бородатого мужчины «От лорда Эллохара я». Значит мой странный незнакомец лорд. Действительно лорд, а я же его постоянно господином называла.

И когда Сэм вернулся, я все так же стояла, растерянно обнимая себя за плечи.

– Ну и мужик, – произнес средний Шилли, – всех поваров вмиг построил. Твои рецепты взял, сказал сделают за три часа. Специи у него с собой. Вот только...

– Только что? – переспросила я.

– Дорого это, – нехотя признался Сэм. – За один мешок ванили половину нашей чайной купить можно, а там еще много всего. Мешками. То есть у него с собой три мешка, в каждом мешочки со специями. Дорогими.

После услышанного первым моим порывом было пойти и прекратить все это. Сэм прав, он за миндаль до хрипа торговался, там цена была внушительная, а тут...

– И специи все здесь оставляет, – еще тише продолжил Сэм. – Уже пересыпали, разделили, как хранить указания дал.

У меня слов не было. Деньги верну, все, обязательно, но сам поступок.

Пришла госпожа Шилли, она глубоко дышала и видно было, что находится в состоянии приятного потрясения, но едва увидев, что мы стоим:

– И чего встали? – возмутилась вдова булочника. – Найриша, Сэмик, неужто все сделано? Найри, за платьем! Сэм, коли дело такое, что тут уж справимся, все перепроверь. Все поставки!

– Да все уже на месте, мам, – успокоил он.

– Так ли все? Перепроверяйте! – госпожа Шилли была неумолима. – Все перепроверьте!

И мы поторопились все проверить. Я торопливо сняла фартук и халат, переобулась, Сэм успел сбежать в кабинет, взять все отчеты и списки.

* * *

Дорога до чайной заняла немного времени, я даже перепроверить отчеты не успела, и потому, вернувшись в чайную, мы вместе с с Алехом засели за проверку. Алеху все рассказал Сэм, вкратце, после чего оба брата некоторое время на меня смотрели, а я поторопилась встать навстречу Герману с платьем. После переодевалась. Платье черное с белым воротником и манжетами, из мягкой ткани, скромное и элегантное, как раз отличный выбор для управляющей.

После пришла госпожа Арна, и еще с час ушел на мою прическу, о чем никто не предупредил, потому что модистку наняла госпожа Шилли, о чем мне ни слова не было сказано. Но еще до того, как последний локон был уложен, по чайной вдруг разнесся удивительно-вкусный аромат. Я, сидящая перед зеркалом, закрыла глаза и вдохнула, и госпожа Арна тоже втянула носом воздух, и едва я уже хотела было кликнуть кого-нибудь, чтобы спросить, как раздался уже знакомый басовитый командный голос:

– Салфетки где?

И мне как-то разом выходить из кабинета расхотелось. А странный мужчина уже всю поучал братьев Шилли и персонал, причем до нас доносились только его реплики:

– ...Запас должен быть! Запас! У тебя клиент пришел, деньги то есть ножками, а утереться и нечем! Запас должен быть! Что значит, на такое количество не рассчитывали? Так рассчитай! Чай не за бесплатно думки думать будешь!

– ...Семьдесят мест? Усего-то семьдесят мест? На открытие?! Ааа, где мои тапки! Кто считал?! Управляющая?! Где ваша управляющая, во имя Бездны? Аа... магианна... Не, звать не надо. Сорвусь, наору, а мне потом ноги переломают.

Я побелела. Госпожа Арна, несомненно прислушивающаяся к происходящему, но тем не менее занимающаяся моей прической, удивленно спросила:

– Что-то не так?

«Сорвусь, наору, а мне потом ноги переломают» – эта фраза заставила забыть, что такое дышать. Я и не дышала. Я с ужасом смотрела на свое отражение, а вспоминала падение Алеха... открытый перелом господина Миравара... двух юношей, приставших ко мне на дороге...

– Все хорошо, госпожа Арна, – прошептала я, решительно поднимаясь.

– Да куда же вы! – возмутилась модистка. – Шпильки еще...

– Сейчас вернусь, – заверила я.

И торопливо вышла в общий зал, невзирая на платок, на время работы с прической, покрывший мои плечи. И на торчащие шпильки я так же не посмотрела. Ни на что. А едва вышла, и про вопрос на мгновение забыла, потому как у стены в данный момент спешно строились два длинных узких и высоких стола.

– Стоячие места быть должны, – напутствовал бородатый мужчина работающих братьев Шилли и даже находящегося рядом на костылях Алеха. – Оно как – пришел клиент, стало быть денежки твои, а местов нет, и что делать то? Почитай ушел клиент, ушли деньги. Твои вот деньги из твоего кармана ушли. Правильно это? Неправильно! А коли стоячие места есть – то и клиент есть, постоит, чайку попьет, аппетит нагуляет, а как столик освободится, тут ты его и сажай, с аппетитом-то нагуленным, так и заказ вдвое больше будет, уж проверено. Во-от! Думать надо. Глазами клиента смотреть, головой клиента думы думать!

Не знаю, о чем тут можно было думать – я смотрела на цветы, которые сдвинули в сторону, на столики, которые теперь сдвигали, так как места стало меньше, а после все таки возмутилась:

– Не совсем согласна с вашей позицией, господин...

– Мелоуин, – благодушно сообщили мне.

– Господин Мелоуин, – поправила я.

И едва хотела продолжить, как мужчина небрежно оглянулся, смерил меня внимательным взглядом и произнес:

– То что несогласные вы, леди, это и так ясно, вам до торговли, как умертвию до рождения, в смысле не ваше это. Не ваше. А вот парни все с первого раза секут, прямо среди своих себя чувствую.

И что самое удивительное – и Герман, и Сэм и Алех ему кивнули, словно действительно все понимали. Они, не я. Я поторопилась подойти ближе, и постаралась объяснить:

– Понимаете, чайная – место спокойное. Где можно посидеть, обсудить дела за чашкой чая, поговорить, подумать...

– Угу, – перебил меня насмешливо господин Мелоуин, – они будут разговоры разговаривать, а вам, стало быть, без денег сидеть?

После его слов я умолкла, потрясенно глядя на мужчину. А он, хмыкнув в бороду, наставительно начал:

– Коли беседы беседовать, так кабинеты отдельные есть. Видел уже, маладца, хорошо придумали, леди. Да только оплату в кабинетах не за чай, а за аренду помещения брать надобно.

Алех сел, достал блокнот, внес пометку.

А я... у меня слов не было.

– За комфорт платить клиент должен, леди, клиент и только клиент, – продолжал учить меня господин Мелоуин. – А вкус у вас есть, да, как-нибудь пригласил бы, в качестве декоратора. Умеете вы, чтоб элегантно да приятно. Тут у вас, знаете ли, вампиру и то понравится.

Я вздрогнула.

– Комплимент это, леди, комплимент, не бледнейте.

Видимо я действительно вновь побледнела, едва увидела, как едва сколоченные столы покрывают темно-зеленой плотной гардиной. Которая предназначалась для отделения залы с кабинетами от общего зала.

– Вы, леди, неправильно акценты расставляете, – заметив мое возмущение, продолжил господин Мелуин, – вот здесь место для стоячих, оно темное должно быть, неприметное, общая зала в ровных тонах, а вот кабинеты привлекать внимание должны, манить, чтобы каждый кто за столиком сидит о кабинете мечтал, думки о нем думал, деньги на него копил, за красивую жизнь, за нее, леди, народ всегда платить готов. – Пауза, и вдруг несколько смущенное: – Я тамочки ценники у вас чуток поменял, леди. Стало быть обычный чай по одной цене, а вот авторский, тот который вы сами смешали, знатный купаж, кстати, вот он по иной цене быть должен.

– Да там же состав один! – не выдержала я.

– Состав один, – согласился господин Мелуин, – а идея особая, авторская. Элитный чай, стало быть. От того и цена другая.

И снова все три брата Шилли радостно головой закивали. Они были с господином Мелуином целиком и полностью согласны!

Но неожиданностью даже для них, стали следующие слова:

– А, господин уважаемый хлебных дел мастер Шилли-старший, по поводу чая я с деловым предложением к вам, что скажете?

– Уважаемый мастер-кондитер почтенный господин Мелуин, всегда готов к диалогу, – мгновенно отозвался Алех.

Бородатый мужчина кивнул, заложил руки за спину и начал:

– Чай то посредственный, но так, в качестве эксперимента, я бы скупил... часть. Небольшую, процентов восемьдесят.

Чай посредственный?! Я молча опустила на ближайший стул, уже совершенно ничего не понимая. А Алех видимо что-то понял, потому как важно ответил:

– Чай, уважаемый мастер-кондитер почтенный господин Мелуин, авторский, элитный, и цена у него, сами понимаете...

– Ну так, господин уважаемый хлебных дел мастер Шилли-старший, автор то у вас свой, местный, стало быть еще намешает.

– Да, – согласился Алех, – но, уважаемый мастер-кондитер почтенный господин Мелуин, вдохновение требуется, а высшие материи у них и стоимость особая.

Молча поднявшись, я покинула приступивших к торгам мужчин. Мне на этом празднике звонкой монеты делать было нечего. Разве что...

– Господин Мелуин, можно вас на мгновение? – уже отойдя от них, попросила я.

– Запомните вашу мысль, господин уважаемый хлебных дел мастер Шилли-старший, – приказал мужчина, развернулся и поспешил ко мне.

Причем шел он до крайности неправильно – как-то не так. Диссонанс мне, целителю, был заметен.

– И я вас очень внимательно слушаю, уважаемая леди, – произнес господин Мелуин, подойдя.

Я же в очередной раз обратила внимание на несоответствие строения его тела и собственноручно походки. Учитывая, как господин двигался, у него ноги должны быть значительно короче, но... Но не об этом сейчас речь.

– Господин Мелуин...

Я кусала губы, не зная как спросить, а пытливые черные глаза пристально смотрели на меня из-под кустистых бровей, и я все же решилась:

– Господин Мелуин, а что вы имели ввиду, когда сказали Алеху фразу «Сорвусь, наору, а мне потом ноги переломают»?

И пытливым взгляд мгновенно перестал быть. Более того, мужчина отвел глаза, несколько смущенно закашлялся и произнес:

– Так метафора, леди Сайрен.

Недоверчиво смотрю на мастера-кондитера, он прекратил смущаться и почему-то зло взглянул на меня. И вот тогда я решилась уточнить:

– То есть чисто метафорически, господин Эллохар переломает вам ноги?

Ответом мне стала широкая и даже счастливая улыбка, и мужчина переспросил:

– Ноги?! Лорд Эллохар? Ух, леди, вот насмешили! – и посмеиваясь, господин Мелуин пояснил: – Вот кто-кто, а лорд Эллохар никогда не опустится до банального перелома ноги. – Улыбка пропала и уже хмуро, мастер-кондитер добавил: – С его-то способностями, воображением и исследовательским энтузиазмом – ноги это как-то мелко. И хватит стоять, за работу, леди.

С этими словами господин Мелуин ушел обратно к нетерпеливо ожидающим его братьям Шилли, которые взирали на мастера-кондитера как мы на леди Соер во время лекций – с обожанием и жадой знаний в глазах.

Мне ничего иного не оставалось, кроме как вернуться к госпоже Арне, доделывать прическу. И глядя на лежащиеся волнами завитки, я с некоторой долей грусти вспомнила приоритет, который позволяли себе магини – распущенные волосы. В среднем сословии подобные вольности не допускались, и даже коса считалась чем-то неопрятным и неприличным. Впрочем, в торговом сословии запретов и ограничений было множество и в самых разных областях, возможно именно поэтому мне все чаще не хватало той свободы, что царила в среде магов.

Осторожный стук в двери и почти сразу заглянувший Герман.

– Тебе просили передать, какая-то девушка, – младший Шилли протянул мне конверт. – И да, как ты?

– Все хорошо, – улыбнулась я, разворачивая слой необычайно плотной бумаги.

В конверте оказался прямоугольный лист черной тисненной золотом бумаги, на которой было выведено:

«Я с радостью приму ваше лестное предложение».

Вероятно, я и самой себе не смогла бы объяснить, почему после прочтения этих слов на душе вдруг стало легко и радостно. И все сложности предстоящего открытия чайной показались преодолимыми, несущественными и приятными даже. Но еще более странным стало то, что я впервые взглянула на себя в зеркало, и взглянула на прическу с точки зрения не правильности и сообразности обстановке.

– Вам очень идет, – по-своему растолковала мой взгляд госпожа Арне.

И я с запозданием осознала, что женщина увидела написанное.

– Спасибо, – неловким торопливым движением вернула послание в конверт. – Еще долго?

– Пара незначительных штрихов, – завершила меня модистка.

С нетерпением дождавшись завершения работы над прической, я поблагодарила госпожу Арне, и поторопилась вниз – дел было невпроворот, необходимо было приготовить свечи для столов, проверить всю чайную, добавить фонарей для созданной стараниями господина Мелуина зоны со стоячими местами.

И я более совершенно не была против предложений мастера-кондитера, невероятным образом мне абсолютно все начало нравится.

* * *

Третье королевство. Сарда

Даррэн Эллохар

Магистр Смерти сидел за столиком в углу, медленно делая очередной глоток восхитительного чая, который для него сделала адептка Варнаи. Сама вампирша угрюмо стояла рядом.

– Отвратительная иллюзия, – заметил директор школы Искусства Смерти следя за гномом, которого весьма коряво переделали в мужчину. – Не соотнести шаг почтенного гнома, с шагом наложенной иллюзии. Отвратительно, Варнаи.

Вампирша покраснела. В теории, вампиры относились к хладнокровным существам и краснеть были неспособны в принципе, но сейчас девушка отчетливо ощутила прилив крови к щекам. Было стыдно, весьма.

– Краснеешь – значит стыдно, – категорично заметил Эллохар. – А вот встретилось бы тебе пара целителей по циничнее, и за столь корявую иллюзию было бы не только стыдно, но и обидно до крайности.

Адептка Смерти опустила голову еще ниже. О том, что разнос только начинается, она не просто догадывалась – четко знала, будучи как и все выпускники в курсе, на счет зловердного характера магистра.

Но обидных слов более не последовало. Вампирша еще несколько минут стояла, ожидая продолжения неприятного разговора, но директор молчал. Осторожно скосив взгляд на демона, адептка поняла причину – Принц Хаоса неотрывно следил за спустившейся в зал целительницей, следуя взглядом за ее легкими шагами, и улыбаясь все шире. Ему не потребовалось долгих размышлений, чтобы прийти к вполне определенным выводам по поводу улыбки, уже не покидавшей бледное лицо магианны Сайрен, ведь в том, что послание было открыто и прочитано, магистр не сомневался – обоняние отчетливо ощущало запах керонской бумаги на тонких пальцах целительницы. Как впрочем, и то, что конверт Найрина разместила в кармане платья, то есть носила с собой.

И в сердце закрался первый лучик уже обоснованной надежды.

– Магистр, вы хотели что-то мне сказать? – надеясь на неадекватность директора, напомнила вампирша.

– О да, – не отрывая взгляда от леди Сайрен, протянул магистр Эллохар, – хотел...

Адептка мысленно нарисовала знак удачи, надеясь что, несомненно проявивший чувства к целительнице, темный лорд сейчас не в состоянии распекать ее и далее.

Но просчиталась.

– Хотел, – задумчиво повторил принц Хаоса, – но смысла не вижу, так что, драгоценная моя, пахать тебе в драконьем питомнике, пока ты не впаришь чешуйчатым стог сена.

– Но, магистр, вы же знаете – драконы не питаются сеном! – возмущенно воскликнула девушка.

– И что? – меланхолично поинтересовался лорд Эллохар. – Я это знаю, ты это знаешь, и даже, я так думаю, драконы в курсе своих кровожадных наклонностей. Но пока, прелесть моя, ты не научишься создавать настолько достоверные иллюзии, что и сено сумеешь обратить в кусок свежего мяса, ни о каком выпуске речи быть не может.

Адептка сникла.

Темный лорд бросил на нее насмешливый взгляд, издевательски подмигнул, и вновь повернулся к порхающей по зале целительнице. Черты его лица мгновенно смягчились, глаза слегка затуманились, улыбка заиграла на тонких губах. Вампирша, уязвленная перспективой не менее года проторчать среди заносчивого племени драконов, ядовито выпалила:

– К чему все эти сложности, и так ясно чем все закончится!

– Чем же? – не отрывая взгляда от Сайрен, любопытствовал магистр.

Умом адептка Варнаи понимала, что лучше не развивать тему, но остановиться уже не могла:

– Вас, мужчин, все равно ничего кроме постели не интересует!

Эллохар улыбнулся, откинувшись на спинку стула, сделал глоток чая, и лишь после этого наставительно произнес, даже не глядя на вампиршу:

– Девочка моя, искренне жаль, что ты еще никого не любила.

Вампирша нахмурилась и даже попыталась возразить, но была остановлена жестким:

– Вот только избавь меня от подробного рассказа о своей бурной интимной жизни, поверь, я и так в курсе.

Оторопевшая девушка потрясенно выдохнула:

– Насколько в курсе?

Искоса взглянув на нее, магистр Смерти лишь многозначительно улыбнулся. А после, вновь уделив все внимание Найрине, задумчиво произнес:

– Мы темные, Хеарин, мы неустойчивы в страсти, но нежность просыпается лишь в любви, и только в любви мир открывает новые грани. Попробуй, разница между страстью и любовью примерно как между троллей сивухой и изысканным эльфийским вином. По сути, опьянение ощущаешь и в первом и во втором случае, но на этом сходство и заканчивается.

Незабываемый дразнящий вкус эльфийского вина вампирша знала, и потому едва слышно поинтересовалась:

– Значит, сейчас вы наслаждаетесь вкусом любви?

– Скорее предвкушаю, – с усмешкой ответил Эллохар. – Опасаясь раньше времени открыть бутылку и сделать глоток.

Несколько минут девушка молчала, а затем спросила о том, о чем adeпты в школе Смерти только шептались:

– Потому что дважды были несчастны в любви... – она запнулась, и торопливо вернулась к аллегории, – то есть вино не оправдало ожиданий?

Улыбка магистра стала горькой, но ответил он неожиданно честно:

– Вино было превосходно, Хеарин, но я задушил на корню желание совершить хотя бы глоток.

Вампирша потрясенно выдохнула, но спросить что-либо еще уже не решилась, магистр и так был необыкновенно откровенен, не сведя в своей излюбленной манере все вопросы в нескрываемое издевательство над собеседником. Разговор был окончен, и темный лорд отчетливо продемонстрировал это, поднявшись и приказав:

– Глаз с нее не спускать.

– Да я уже поняла, – адептка тяжело вздохнула, – у девушки редкая склонность к поведению, не способствующему выживанию.

– Что есть, то есть, – невесело усмехнулся Эллохар.

Вспыхнуло синее пламя, невидимое ни единому находящемуся в чайной человеку, и только вампирша привычно погасила тепловую волну, замаскировав ее под порыв воздуха из распахнутого окна.

И в этот момент девушка ощутила магию. Близкую, человеческую. Хеарин бросила стремительный взгляд на стоящего у двери оборотня, и подняла два пальца. Ааран мгновенно наложил щиты на собственную иллюзию, вампирша прикрыла и себя и гнома, и, отступив к стене, напряженно уставилась на вход – интуиция вопила об опасности.

Оборотень ощутил угрозу на миг позже – он не обладал способностями одного из самых опасных вампирских кланов, но звериное чутье отчетливо различило запах подземелий и в том, откуда явился гость, парень уже не сомневался. В отличие от Хеарин – вампирша лишь благодаря веками отточенной интуиции клана Росхан, почувствовала опасность в невысоком пожилом человеке, небрежно остановившемся на пороге чайной. Но уже в следующее мгновение, адептка отчетливо увидела сканирующее заклятие неизвестного двадцатого уровня и мысленно возблагодарила взбалмошного директора школы Смерти, приучившего адептов мгновенно мимикрировать под окружающее пространство, а потому вошедший заметил присутствие лишь людей, одного нечистокровного гнома и собственно лишенной магии магианны Сайрен.

Но если бы вошедший был оборотнем, а не человеческим магом, он почувствовал бы запах крови, использованной вампиршей для мгновенного вызова магистра.

* * *

Подземелья. Западное королевство

Резиденция шестого жреца великой Тьмы

Золотой жрец с нежной, почти любящей улыбкой смотрел на молодого мага, с неизменным наслаждением вдыхая запах крови, в котором совершенно отсутствовала примесь страха.

– Похвальное упорство, – растягивая слова, произнес Таэлран, – весьма похвальное.

Молодой маг мрачно сплюнул кровь, и, вскинув голову, направил полный ненависти взгляд на дроу. Но жест дался ему нелегко – пытки продолжались четвертые сутки, ввергая пленника в пучины боли разнообразной степени силы и продолжительности, и заставляя терять все больше и больше крови. Сколько он еще продержится, Ниран не знал, но отчетливо понимал главное – убивать его дроу не станет, у ордена нет собственных некромантов, а возможности обратиться в седьмое королевство великая Судьба им не предоставит – главный министр своих держит крепко, не то что... пытки продолжатся! Парень сплюнул повторно, уже не столько от ненависти к мучителю, сколько от досады. Досады на себя, свою наивность и веру, ту безграничную веру, которую он испытывал к ордену.

– Злишься, – безошибочно догадался Золотой жрец.

Маг не ответил, у него не осталось сил что-либо говорить, но юноша был искренне рад этому. Молчать, молчать и только молчать.

– Ниран Сайрен, – растягивая слова, протянул Таэлран, поигрывая позолоченным металлическим кинжалом, – жаль, искренне жаль...

Оружие сверкнуло в полете. Неприятный звук стали, вошедшей в тело, хриплый стон пленника. А затем тишина и лишь монотонный плеск срывающихся вниз капель воды. Монотонный, мерный, постоянный. Маг концентрировался на нем при каждом взрыве боли, стискивая зубы и отсчитывая количество капель. Двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять – он сумеет, он выдержит. Все выдержит.

– Одно из двух, – легкий шелест ткани свидетельствовал, что Таэлран поднялся со своего места, – либо маг говорит правду и действительно не знает, либо он лжет.

Коленопреклоненные дроу переглянулись – оба палача не могли понять – это вопрос, обращенный к ним, или очередное изречение в духе шестого. В любом случае решили промолчать – так безопаснее. Странное дело – гордые, не ведающие страха дроу трепетали от ужаса едва завидев Золотого жреца, одного из красивейших темных эльфов Западного королевства, чья красота была признана эталонной.

Эталон красоты истинных дроу меж тем медленно приблизился к прикованному юноше, когти его, царапая подбородок до крови, приподняли лицо мага, золотые глаза эльфа пристально взглянули в потемневшие от боли человеческие. Пристально, внимательно, испытующе.

«Я ничего не знаю. Все что я знаю, я сообщил ордену. Я предан истинному пути. Я верую» – снова и снова проговаривал про себя Ниран.

Маг не знал, способен ли Золотой жрец читать мысли, среди людей ходили такие слухи, но даже если и нет...

«Я ничего не знаю. Все что я знаю, я сообщил ордену. Я предан истинному пути. Я верую!»

Таэлран растянул губы в снисходительной усмешке, потрепал юношу по щеке и великодушно произнес:

– Я верю тебе, маг Сайрен. Ты доказал свою преданность ордену. Извлеки мои орудия из своего тела, вытри, отполируй каждый клинок и принеси мне не позднее этого часа. Ты прощен.

И величественный жрец покинул тюремную камеру, дав знак палачам отпустить пленника. Едва он покинул камеру из темноты слабоосвещенного коридора шагнули двое магов, оба склонились перед Золотым, ожидая распоряжений.

– Он что-то знает, – задумчиво проговорил Таэлран, рассматривая давно не мытые волосы магов с плохо скрываемой брезгливостью, – но говорить не станет. Доставьте его сестру, уверен, в ее присутствии маг Сайрен станет гораздо словоохотливее.

Оба человека поклонились еще ниже, прежде чем старший задал вопрос:

– Его изолировать?

– Только следить, – отдал распоряжение Золотой жрец, покидая слуг ордена Возрождения.

* * *

Палачи-дроу синхронно шагнули к измученному юноше, лязгнули затворы наручников и Ниран мешком повалился на пол, зарывав от боли – при падении лезвия ножей вошли глубже. Но помогать ему никто не собирался. Цепи отстегнули, факелы унесли, оставив лишь тускло горящую свечу на столе, после чего оба темных эльфа покинули камеру.

На рык мага, выдирающего из собственного тела клинки, никто не обернулся. И стоя на коленях, юноша дрожащими, обессиленными ладонями обхватывал следующий кинжал, чтобы сцепив зубы, рвануть его рукоять.

В голове шумело, кровь струилась по искалеченному телу, клинки, один за другим, покидали тело жертвы, пока сверкающей горкой не легли на пол, возле не сдерживающего слез мага. Встать Ниран не смог – две попытки закончились болезненным падением на колени, и потому, обернув кинжалы остатками плаща, юноша пополз в угол камеры, туда, где продолжала монотонно капать вода. Ополоснул трясущиеся ладони, смыл кровь с клинков, а затем, не поднимаясь, тщательно отполировал каждый, чувствуя, как жизнь покидает его тело. Следовало заняться собой. Найрина, в обход всех правил касты магов, обучила его основам исцеления, и он мог, мог спасти себя. Но приказ Таэлрана был жесток, сделав первоочередной задачей уход за оружием, без возможности исцелить себя.

Время от времени Нирану казалось, что вот сейчас он упадет, потеряет сознание от голода и ран, но дрожащие пальцы сжимая ошметок ткани, упрямо натирали каждый клинок до блеска, а боль... боль маг терпел, привычно отсчитывая падающие капли воды.

Скрипнула дверь, Ниран не оглянулся, но по легким шагам мгновенно узнал Вилиан, и уже куда более угрюмо принялся полировать железо, покрытое тонким слоем золота.

– Прости, прости, пожалуйста, – девушка опустила за его спиной, накладывая ладони, светящиеся от призванной магии, на напряженные плечи, – но так будет лучше, Ниран, так лучше. И Найри будет здесь, с нами, чтобы в едином порыве...

Ему хотелось орать на нее, заставить уйти, оскорбить, и даже ударить. Хотелось, но маг молча полировал кинжалы, не испытывая даже тени благодарности к целительнице, старательно залечивающей его раны.

– Ведь там, там война, – продолжала торопливо шептать магианна, – а здесь мы все в безопасности.

«Дура, – мрачно подумал Ниран».

Но промолчал. За последние четверо суток маг отчетливо понял – нужно молчать. Всегда молчать. Неизменно. Молчать и делать вид, что покорно внимаешь руководителям ордена, не замечая, что прославленные убежденные седиными архимаги лишь жалкие марионетки дроу,

что идея о Возрождении лишь кусок сыра в искусной мышеловке, что взгляды окружающих становятся полны фанатизма после каждого глотка разносимого за вечерней трапезой вина. И Ниран молчал, молчал и делал вид, что пьет – как научил его декан Ингер, как поступали многие из старших магов. Молчать и покоряться каждому бредовому повелению. Молчать, и не вспоминать о родных, тех, кто остался в Третьем королевстве.

И все работало. Он не выделялся из толпы, а после вина, как и все с обожанием смотрел на жрецов Тьмы, виртуозно научился лгать и притворяться, особенно когда очередной попавший в подземелье притворяющийся покорным маг осторожно сообщал, что сестра его ищет, что растратила все оставшиеся от родителей деньги на его поиски, что не останавливается... В тот вечер, когда он услышал об этом впервые, Ниран раздумал напасть с кинжалом на охранника из дроу. Он просто понял – его ждут, на его возвращение надеются, он нужен и важен. И то глухое звериное желание убивать, что зрело в душе чрезмерно наблюдательного юноши, отступило. Он будто повзрослел в единый миг, стал осторожнее, расчетливее. Увы, в ту ночь, когда Вилиан скользнула под его одеяло, парень потерял голову. Ненадолго и не сразу, но шли ночи, и целительница становилась все роднее, именно ей он и рассказал о том, что сильные некроманты, так нужные «союзным» дроу, существуют не только в седьмом и четвертом королевствах.

О том, что проболтался напрасно понял уже утром, когда неожиданно был призван к самому Золотому жрецу.

– А знаешь, нам теперь выделяют отдельную комнату, мне лорд Таэлран лично пообещал, благодаря за содействие, и, ты знаешь, оказывается это действительно стало решением проблемы, Нир! Ведь обученные некроманты их защищают, и подобраться не повредив ауру мы не могли, но теперь...

«Ненавижу!» – едва не выдохнул парень.

И поднялся. Теперь он мог, как целительница Вилиан была превосходна, а как человек... Ниран отчетливо знал – более никогда не обнимет эту женщину. Не сможет. Предательство не прощают.

– Мне нужно идти, – глухо произнес он.

– Но раны... – попыталась возразить магианна.

– Залечу сам, – пересохшее горло саднило. – И я рад, что «ты» переселяешься в отдельную комнату.

– Нет, Ниран, мы переселяемся, – вскочив, поправила девушка.

– Ты! – отрезал маг. – Точнее «вы», магианна Далар.

И юноша, сжав клинки, направился к Золотому жрецу, отчетливо осознавая – впереди новое унижение, но выбора не было.

* * *

Третье королевство. Сарда

Кондитерская «Пышечка»

Полноватый мужчина преклонных лет, время от времени потирая сухие ладони, упорительно переписывал четкие пропорции, меняя лишь названия в рецептах. Так, к примеру, «Миндальное печенье» превратилось в «Миндалек хрустящий», а «Гаренские эклеры», в «Шоколадные пышки». В том, что новый ассортимент его кондитерской придется по вкусу клиентам – господин Сайк даже не сомневался – у леди Сайрен оказался на редкость изысканный вкус, так что кондитер рассчитывал на внушительное увеличение прибыли уже с завтрашнего дня. К тому же, договор с братьями Шилли обязывал его ни в коем случае не использовать в коммерческих целях двенадцать предоставленных рецептов со следующими названиями, к примеру «Миндальное печенье». Ну так печенье и не будет, зато уже сегодня вечером конди-

теры приступят к выпечке «Миндалька хрустящего», а сие ни законом, ни договором не запрещается.

Подхихикивающий кондитер не сразу обратил внимание на тихий, но настойчивый стук в дверь, а когда среагировал, было уже поздно – высокий светловолосый мужчина распахнув створку уверенно шагнул в его кабинет.

– Эм... простите, – начал было Сайк, вороватым движением собирая листы, исписанные аккуратным женским почерком.

– Прощаю, – с поистине царственной милостью произнес мужчина, запирая дверь.

Щелкнул проворачиваемый ключ, заставляя господина Сайка почувствовать себя несколько неуютно.

– Совесть, – отходя от двери, и весьма нагло присаживаясь на край жалобно скрипнувшего стола, представился странный хорошо одетый мужчина, – исключительно ваша совесть. А вы полагали, что меня не существует?

Безгранично удивленный торговец слабеющим голосом спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.